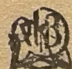
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

С. БРАЙНИН, Ш. ШАФИРО

ПЕРВЫЕ ШАГИ СОВЕТОВ В СЕМИРЕЧЬИ

КАЗКРАЙОГИЗ
1934

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСТПАРТ КАЗАКСКОГО КРАЕВОГО КОМИТЕТА ВКП(б)
КАЗАКСТАНСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

С. БРАЙНИН, Ш. ШАФИРО

ПЕРВЫЕ ШАГИ СОВЕТОВ В СЕМИРЕЧЬИ

Под редакцией Н. ТИМОФЕЕВА

19 — — 34
КАЗАКСТАНСКОЕ КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВ
АЛМА-АТА—МОСКВА

Основываясь на конкретных документальных данных, авторы освещают историю первых шагов советов в Семиречьи. В книге, охватывающей период с ноября 1917 г. по июнь 1918 г., показана работа парторганизации, ревкома и советов, история борьбы и побед революционных сил области с местными контрреволюционными элементами.

Книга разоблачает в частности также контрреволюционную роль алашордынцев в описываемых событиях.

В приложении даны наиболее интересные и характерные документы из числа использованных авторами.

Рассчитана на советско-партийный актив и широкие круги читателей, интересующихся историей гражданской войны в Казахстане.

С. Брайнин, Ш. Шафиро. Первые шаги советов в Семиречьи.
Издание I, цена 1 руб. 50 коп.
Казакстанское краевое издательство. Алма-Ата, 1934 г.

Редактор *Д. Кац*
Техред. *О. Волянская*
Корректор *С. Селянин*

Сдано в набор 23/X—34 г. Подписано к печати 20/XII—34 г.
Бумага 62×94 1/16. Тираж 3500, заказ 344.
Объем авт. л. 7,5, печ. л. 5,5, знаков в п. л. 57000.
Индекс В 8в.

Уполномоч. Казглавлит № 9—474

Типография треста „Полиграфкнига“ им. XII годовщины КазАССР.
Зак. № 1179. Адрес типографии. Алма-Ата, ул. Карла Маркса, д. 51.

ОТ АВТОРОВ

Наша работа — „Первые шаги советов в Семиречьи"— охватывает отрезок времени с ноября 1917 года по июнь 1918 года. Эти несколько месяцев составляют в истории Октября и гражданской войны в Семиречьи относительно самостоятельный период. За это время в условиях победившей во всей стране пролетарской революции была разгромлена провозглашенная в области в ноябре 1917 г. белоказачья диктатура и установлена почти повсеместно власть советов.

Нужно сказать, что литература об истории Октября и гражданской войны в Казакстане крайне бедна. Перед историками Казакстана стоит во всю ширь задача создания марксистско-ленинской истории Октября и гражданской войны в крае.

Некоторые товарищи полагают, что составление истории Октября и гражданской войны в Казакстане — задача почти невозможная в силу того, что в те годы в крае не было единого руководящего революционного центра, что тогдашняя борьба в отдельных частях нынешнего Казакстана сливалась с борьбой граничащих с ними областей России. Поэтому самый революционный процесс, по мнению этих товарищей, не носил цельного характера, а состоял из отдельных, не связанных между собой, потоков.

Правильно, что до середины 1919 г. единого руководящего революционного центра в крае не было. Кирревком образовался в середине 1919 года, причем он не охватывал тогда всей нынешней территории нашей республики. Он не охватывал тогда Джетысу и Сыр-Дарьи.

Правильно и то, что борьба в отдельных частях Казакстана непосредственно примыкала и теснейшим образом связывалась с революционным процессом в смежных областях.

Следует ли, однако, из этого, что революционный процесс в Казакстане на том этапе носил распыленный, разрозненный характер, что в нем отсутствовало единство целей и задач?

Сделать такой вывод было бы абсолютно неправильно. Он означал бы формальный подход к проблеме истории Октября и гражданской войны в Казакстане.

Революционный процесс в Казакстане следует прежде всего рассматривать, как органическую составную часть всего революционного процесса в России. Национально-революционная борьба казакских трудящихся масс влилась в общий поток революционной борьбы. „Пролетариату уда-

лось осуществить соединение „пролетарской революции“ не только с „крестьянской войной“, но и с „войной национальной“[1]).

То обстоятельство, что в годы гражданской войны борьба в отдельных частях края сливалась с борьбой граничащих с ними областей, следует рассматривать не как показатель распыленности и раздробленности революционного процесса в самом Казахстане. Наоборот, это обстоятельство выражало органическую связь революционной борьбы казакских трудящихся и трудящихся масс других национальностей Казакстана с революционной борьбой во всей стране, руководство пролетариата этой борьбой, соединение на практике „пролетарской революции“ с „войной национальной“.

Принято считать первые годы существования советского Казакстана годами советского оформления нашей республики. Однако, некоторые рассматривают это оформление исключительно как мероприятие административного порядка, проводимое сверху. Они рассматривают его оторванно от всего предшествовавшего этапа борьбы казакских трудящихся масс. Между тем, в восстании 1916 года, в классовых боях после Февральской революции и особенно в период Октября и гражданской войны ковалось единство казакских трудящихся масс, вызревало и росло понимание ими своих классовых интересов и общности этих интересов с интересами трудящихся всех национальностей. В этих условиях, в условиях соединения „пролетарской революции“ с „войной национальной“, в условиях победившей пролетарской диктатуры и проводимой ею ленинской национальной политики развертывался процесс национальной и классовой консолидации казакских трудящихся, развертывался процесс хозяйственной консолидации территории нынешнего Казакстана. Было бы ошибочно переоценивать степень классового и социального созревания казакских трудящихся для того периода. Следует иметь в виду при оценке расстановки классовых сил в казакском ауле господствовавшую в нем в то время патриархальщину и огромное влияние байства и духовенства на широкие трудящиеся массы. „...Киргизы..., — говорил Ленин на VIII съезде партии, — до сих пор находятся под влиянием своих мулл“.[2]) Байство и манапство всячески использовали свое влияние на массы и имевшееся тогда недоверие к русским, развившееся на почве господствовавшей здесь ранее системы колониального гнета и грабежа, для удержания трудящихся от активного участия в революционной борьбе. Сказывалась здесь и придавленная революционная активность аульных трудящихся масс в связи со свирепым разгромом восстания 1916 г.

Но было бы, с другой стороны, грубым упрощенчеством понимать Ленина в том смысле, что в ауле абсолютно отсутствовала классовая борьба, что казакские массы оставались в стороне от Октябрьской революции, что Алаш-Орда безраздельно господствовала в казакской степи. Труден был в те годы путь казакских трудящихся масс. Революционная активность аульных масс должна была пробивать и пробивала себе дорогу через густой слой сохранившихся родовых и феодальных пережитков, пробивала себе дорогу в борьбе с тяжелым колонизаторским насле-

---

[1]) И. Сталин. „Марксизм и национально-колониальный вопрос“. Изд. 1934 г., стр. 142.
[2]) Ленин. Соч., т. XXIV, изд. 3, стр. 136.

рием. Здесь исключительное значение имела руководящая роль пролетариата и его партии, помощь передовых отрядов русского рабочего класса.

В статье „Международный характер Октябрьской революции“ тов. Сталин писал: „характерной чертой Октябрьской революции является тот факт, что она провела в СССР эти национально-колониальные революции не под флагом национальной вражды и международных столкновений, а под флагом взаимного доверия и братского сближения рабочих и крестьян национальностей СССР не во имя национализма, а во имя интернационализма“.

„Именно потому, что национально-колониальные революции произошли у нас под руководством пролетариата и под знаменем интернационализма, именно поэтому народы-парии, народы-рабы, впервые в истории человечества поднялись до положения народов, действительно свободных и действительно равных, заражая своим примером угнетенные народы всего мира“.

„Это значит, что Октябрьская революция открыла новую эпоху, эпоху колониальных революций, проводимых в угнетенных странах мира в союзе с пролетариатом, под руководством пролетариата“.[1])

Это положение тов. Сталина является абсолютно верным и для Казакстана и подтверждается всем ходом борьбы казакских трудящихся периода Октября и гражданской войны.

Наша работа ставит перед собой задачу осветить первые месяцы существования советской власти в бывшем Семиречьи. Семиречье во многом отличалось от ряда других областей Казакстана. Здесь важно прежде всего подчеркнуть, что в Семиречьи рабочая прослойка была куда малочисленнее, чем в других областях Казакстана. В частности, здесь почти совершенно отсутствовали промышленные рабочие-казаки. Межнациональные трения носили здесь, в связи с форсированной колонизацией области, сугубо острый характер: кошмар разгрома восстания 1916 года продолжал тяготеть над областью на всем протяжении первых лет существования советской власти. Здесь в лице русского казачества и кулака-колонизатора российский империализм имел свою крепкую опору. Это накладывало свой отпечаток на борьбу трудящихся масс области. Однако, за всем этим необходимо видеть то общее, что было в борьбе трудящихся как в Семиречьи, так и во всем Казакстане: общую борьбу с российским империализмом и байством, общую борьбу с националистической контрреволюцией и ее носителями алашордынцами, общую борьбу за социальное и национальное раскрепощение казакских трудящихся масс, за окончательную победу в крае пролетарской диктатуры. Анализ первых шагов советской власти в Семиречьи это в полной мере подтверждает.

Составление истории Октября и гражданской войны в Казакстане требует огромной предварительной работы, требует собирания и обобщения соответствующих материалов в отдельных частях края. Наша работа является попыткой осветить первые шаги советской власти в одной из наиболее отсталых частей края. Эта попытка, надеемся, поможет в дальнейшей работе над историей Октября и гражданской войны в Казакстане.

---

[1]) И. Сталин. „Марксизм и национально-колониальный вопрос“. Изд. 1934 г., стр. 198.

СЕМИРЕЧЬЕ НАКАНУНЕ ОКТЯБРЯ

Бывшая Семиреченская область включала в себя почти всю теперешнюю Алма-Атинскую область Казакстана, незначительную часть территории Южно-Казакстанской области и северовосточную часть нынешней советской Киргизии. Административным центром области был город Верный (ныне столица Казакстана Алма-Ата). Подавляющую массу населения (70 с лишним проц.) составляли казаки и киргизы. Семиречье являлось областью исключительно сельскохозяйственной. Пункты городского типа едва охватывали 7—8 проц. всего населения области. Значительный процент городского населения занимался сельским хозяйством. Промышленность была чрезвычайно слабо развита. Существовали отдельные, главным образом кустарного типа, предприятия с крайне мизерным числом рабочих. Городское население состояло, главным образом, из русских.

Выделением Семиречья в отдельную административную единицу и включением его в состав Туркестанского генерал-губернаторства царское правительство подчеркивало то значение, какое оно придает области как оплоту своей колонизаторской политики в Средней Азии и как форпосту для дальнейшей экспансии в Западный Китай. В этой связи находится, в частности, факт пребывания в Верном архиерея и нахождения там центра церковного управления всего Туркестанского края.

На протяжении десятилетий проводился в области разбойничий захват земель, формировалось семиреченское казачество и насаждались русские переселенческие поселки.

Экспроприация земли трудящихся местных национальностей приняла особенно широкий размах к началу XX века и со все возрастающим темпом продолжалась после революции 1905 года. К 1913 году в Семиречьи для целей колонизации захвачено было 4 193 520 десятин культурной и удобной земли.[1])

В самом ауле господствовали средневековые формы и методы эксплоатации. Складывавшиеся тогда в казакской степи капиталистические отношения имели, выражаясь словами Ленина, первичную зародышевую

---

[1]) По данным Васильева, на 1 января 1913 года эти изъятые земли распределялись следующим образом: городские земли — 36 947 дес.; земля Семиреченского казачьего войска — 667 157 дес.; земли старожильческих селений — 385 012 дес.; переселенческие участки — 1 353 865 дес., из коих незаселенных 544 349 дес.; казенно-оброчные статьи — 1 750 539 дес. (Васильев. „Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины", стр. 80-81).

форму, целиком опутанную докапиталистическими отношениями. Проникший в степь торговый капитал, действуя с силой хищника периода первоначального накопления, всячески использовал сохранившиеся в ауле докапиталистические отношения для усиления эксплоатации трудящихся.

Массовый захват земель, хозяйничанье в степи российского капитала, господствовавшие в ауле докапиталистические отношения — все это подрывало развитие производительных сил области. Животноводство, представлявшее главное занятие основных масс коренного населения, находилось в состоянии систематического упадка и велось в самых отсталых и варварских формах. Масса крестьян-казаков была обречена на кочевой образ жизни, нищала; в то же время скот в огромных размерах концентрировался в руках байства и манапства. В 1910 году бедняцкий слой в ауле достиг 60—70 проц., а байские и манапские хозяйства, составлявшие не больше 5 проц. общего числа аульных хозяйств, владели 50 проц. всего поголовья скота.

В годы империалистической войны положение трудящихся масс еще больше ухудшилось. Усилился налоговой нажим. Для нужд фронта из степи выкачивались в огромных количествах скот, юрты, шерсть, разного рода сырье и т. д. Беспрестанно производились всевозможные обложения. Казакская и киргизская беднота принуждалась к бесплатному труду в казачьих и кулацких хозяйствах. Подготовлялись новые колонизационные фонды, которые по окончании войны должны были служить в руках царского правительства средством для отвлечения крестьянских масс центральной России от их борьбы за землю. В Семиречьи предполагалось в 16 году только для казачьей колонизации захватить дополнительно около 1,5 млн. десятин.

Под двойным гнетом — российского военно-феодального империализма и „своих“ эксплоататоров — находились казакские трудящиеся массы.

Под воздействием революции 1905 года усилилось революционное брожение среди трудящихся аула и участились открытые выступления против колонизаторского захвата земель и произвола царской администрации. В 1916 году, после того как была объявлена мобилизация на тыловые работы казаков и киргизов, вся степь оказалась охваченной огнем восстания. Казакское и киргизское крестьянство поднялось против своих вековых угнетателей, против всей системы колониального рабства. Царское правительство двинуло против восставших значительные вооруженные силы, состоявшие из регулярных воинских частей и из организованных на месте казачьих и кулацких банд. Байство и его идеологи — алашордынцы — оказывали всяческую помощь самодержавию в его палаческой работе.

В октябре 1916 года восстание было подавлено. Беспощадная расправа с восставшими загнала в Китай четвертую часть всего коренного населения области и привела к потере им всего поголовья скота. Повсюду в области свирепствовали погромы, разнузданный белоказачий и кулацкий террор. Многие аулы были сметены с лица земли. От голода и связанных с ним болезней казакские и киргизские трудящиеся вымирали массами.

Используя свою победу, царское правительство добивалось ускоренного осуществления поставленных им задач по колонизации края. 16 октября 1916 года под председательством начальника Туркестанского края генерал-губернатора Куропаткина состоялось специальное „совещание о выселении киргиз“ [1]), решения которого были утверждены министерством земледелия в декабре 1916 года. Решения этого совещания сводились к тому, что „всего по Пишпекскому, Пржевальскому и Джаркентскому уездам предположено было к смещению 37 355 киргизских хозяйств с 2 516 366 дес., из которых пахотных 146 938 дес., сенокосных 69 426 дес., пастбищных призимовочной территории 1 548 241 дес. и пастбищных-летовочных 745 761 дес.“ [2])

Таким образом, кроме загнанных карательными отрядами в Китай предполагалось выселить еще десятки тысяч казакских и киргизских хозяйств, оставшихся на месте после восстания. Выселяемых казаков и киргизов намечено было загнать в Нарын, Прибалхашские пески и другие, мало удобные или совсем неудобные в сельскохозяйственном отношении, районы.

Восстание 1916 года, несмотря на свое поражение, подняло национально-революционное движение трудящихся масс на высшую ступень. На опыте классовой борьбы они получили возможность убедиться в предательской роли националистической алашской интеллигенции, они воочию увидели, что байство и манапство является опорой самодержавия.

Наступил 1917 год. После Февральской революции при Временном правительстве положение казакских и киргизских трудящихся продолжало ухудшаться. Остававшиеся на своем посту известное время после февральского переворота генерал-губернатор Куропаткин в Ташкенте и полковник Алексеев в Верном проводили с согласия Временного правительства ту же политику расправы, ту же политику лишения казакских и киргизских трудящихся самых элементарных условий для существования. С помощью кулацких и казачьих банд они не давали возможности беженцам из Китая вернуться в родные аулы.

Не изменилось положение и тогда, когда место царских администраторов заняли комиссары Временного правительства по Семиреченской области, эсер Шкапский и алашордынец Тынышпаев. Прибегая к утонченным приемам обмана, они на деле осуществляли политику угнетения и разорения казакских и киргизских трудящихся и массового сгона их с занятых земель. Весь колониальный аппарат сохранился в полной неприкосновенности.

В местных советах на протяжении почти всего 1917 г. господствовали меньшевики и эсеры.

Период между Февралем и Октябрем является периодом дальнейшего изживания казакскими трудящимися их иллюзий насчет „народолюбия“ алашской интеллигенции, периодом дальнейшего освоения ими опыта революционной борьбы и роста классовой активности и самосознания. В этот же период начинают крепнуть интернациональные связи

---

[1]) Под «киргизами» здесь подразумеваются как казаки, так и собственно киргизы. Царское правительство в целях унижения коренного населения называло казаков—киргизами, а киргизов—кара-киргизами.

[2]) Военно-исторический арх., № 42, ч. III, стр. 196 и 87, л. 24.

между трудящимися всех национальностей Семиречья и проявляются значительной силы революционные процессы среди русского крестьянского населения области.

Глубоко неверно изображать, как это делает тов. Сафаров в своей работе „Колониальная революция“ [1]), все находящееся в области к периоду Октябрьской революции русское крестьянское население, как сплошь кулацкое. В действительности дело обстояло не так. Пришлое крестьянство не было социально однородным. Всего в области насчитывалось к 1913 году 222 русских сельских поселения, из них 34 казачьих станиц и выселков, 34 старожильческих села и 154 новосельческих деревни. Казачьи станицы и старожильческие села, которые, как правило, насчитывали десятки лет своего существования,— владели огромными площадями плодородной земли, значительным количеством скота, сплошь и рядом в их хозяйствах применялся в широких размерах труд казакской бедноты и батрачества. Эти поселения являлись прочной опорой колониального господства в области, целиком использовали свое привиллегированное положение и строили свое благополучие на хищнической эксплоатации казакских трудящихся. При этом следует иметь в виду особые заботы, какими окружало самодержавие семиреченское казачество. Все это делает понятным, почему в 1916 году прежде всего здесь получила широкий размах организация кулацко-казачьих банд против восставшего казакского крестьянства, почему в 1917 и 1918 годах и позднее здесь было оказано наиболее упорное сопротивление установлению советской власти. Узел надежд белогвардейщины во время Октябрьского переворота и в годы гражданской войны завязывался прежде всего вокруг казачества. Ибо „кто же другой мог быть оплотом деникинско-колчаковской контрреволюции, как не исконное орудие русского империализма, пользующееся привилегиями и организованное в военное сословие — казачество, издавна эксплоатирующее не русские народы на окраинах“.[2]) Однако и в этих станицах и старожильческих поселениях находились неустроенные переселенцы, которые вели свое хозяйство на заарендованной на кабальных условиях земле, были здесь и беднота и батраки.

Новосельческая деревня возникла после революции 1905 года, когда напуганное царское правительство вынуждено было расширить возможности крестьянской эмиграции из метрополии в колонии. Новосельческая деревня строилась на той же колонизаторской основе, что и казачья станица и старожильческое село: на земле, экспроприированной у казакских трудящихся. При всем этом следует, однако, учесть, что новосельческая деревня в большинстве случаев не пользовалась уже таким обилием плодородной земли, каким пользовались возникшие ранее русские поселения, что преобладающая часть переселенцев, принадлежа у себя на родине к бедноте и маломощному середнячеству, не располагала на новом месте достаточными средствами для быстрого перерастания в кулацкие хозяйства. В новосельческой деревне сильнее давала себя чувствовать классовая диференциация, заметнее была прослойка маломощных

---

[1]) Г. Сафаров. „Колониальная революция“. Опыт Туркестана. Госиздат 1921 г.
[2]) И. Сталин. „К военному положению на юге“—„Правда“ № 293, от 28-XII—19 г.

крестьянских хозяйств. Часть новоселов, в особенности из тех, которые оседали в городах и старожильческих селах, не была в состоянии выбиться из нищеты. К тому же, многие из переселенцев проделали у себя на родине революцию 1905 года и в новых условиях сохранили ненависть к крепостнику — помещику.

Таким образом новосельческая деревня воспроизводила в известной степени противоречия деревни метрополии, причем воспроизводила их на базе крепостнической колонизации. Царская политика разжигания национальной розни, внедрения великодержавного шовинизма среди русского населения находила почву и среди этой прослойки крестьян-переселенцев. Однако, до конца превратить эту прослойку в свое оружие царизм не сумел, что сказалось в период революции 1917 года и в годы гражданской войны. Своеобразие новосельческой деревни заключалось в том, что в ней переплелись колонизаторство с борьбой против крепостничества. Отсюда и слабые и сильные стороны ее участия в Октябрьской революции.

Годы империалистической войны принесли ухудшение положения маломощной части русского переселенческого крестьянства. В то время, когда старожилы были освобождены от воинской повинности [1]), когда казачьи станицы, а также старожилы пользовались в своих хозяйствах принудительным трудом казакского и киргизского батрачества, новосельческие хозяйства потеряли многих своих работников вследствие их мобилизации на войну, многие из этих хозяйств приходили в упадок и вынуждены были приобретать на рынке хлеб. Цены в то время неимоверно повышались. Все это усугубляло недовольство в массах и поднимало их революционную активность. Оказывали значительное в этом отношении влияние письма солдат с фронта.

В 1916 году в некоторых русских поселках имели место стихийные выступления жен солдат, причем, как доносил семиреченский губернатор, „сельская администрация повсюду была бессильна предотвратить беспорядки“.[2]) Тоже было и в городах. Особых размеров достигли волнения в 1916 году в г. Верном. 23 и 24 января эти волнения вылились в ряд внушительных демонстраций. Собравшись в количестве более 1000 человек, жены солдат всех национальностей всей массой ходили по главным улицам города, останавливались возле правительственных учреждений, требуя возвращения мужей с фронта и увеличения пайка. Во время одной из таких демонстраций женщины камнями выбили стекла в здании областного правления и, как передает в своих воспоминаниях тов. Матрехина, — одна из активных участниц этих демонстраций — ныне член ВКП(б), — кое-где на окраинах города были воздвигнуты баррикады. Среди городской бедноты открыто поговаривали, что „женщины это только начало, а потом начнут и солдаты, в особенности конский запас. Нижние чины этой команды только того и ждут. Пособят и казаки, они теперь говорят, что на войну не пойдут“. [3]) И это были не пустые

---

[1]) Красный архив. Том третий (34) 1929 г. Стр. 57.

[2]) Архив революции. Департамент полиции, 4-е делопроизводство. № 64 за 1916 г. по Семиреченской области.

[3]) Каз. ЦАУ. Из показаний арестованного в эти дни крестьянина Лепихина.

разговоры. Жандармский ротмистр Железняков доносил, что „...на нижних чинов этой (верненской — *Б.* и *Ш.*) дружины положиться нельзя и даже больше, если будет столкновение толпы с казаками некоторые нижние чины примкнут к толпе“.[1])

Местной администрации только с большим трудом удалось подавить эти волнения.

1917 год не внес никакого улучшения в положение маломощной части русского переселенческого крестьянства, в положение рабочих и городской бедноты.

Ярким показателем дальнейшего революционизирования широких трудящихся масс всех национальностей Семиречья является тот отклик, который встретили здесь июльские дни 1917 г. В Лепсинске городская беднота во главе с большевиком-фронтовиком, бывшим ростовским рабочим, тов. Дегтяревым, захватила власть в свои руки и продержалась 7 дней (с 1-го по 8-е июля ст. стиля).

„В Верном,—сообщали в середине июля комиссары Временного правительства,—смутьяны также чуть не создали бунт, который с трудом удалось предупредить“.[2]) Серьезные события имели место в это время в Пишпеке. Здесь под руководством депутата краевого совета рабочих и солдатских депутатов, большевика Калмакова, сделана была 9 июля попытка по примеру Лепсинска свергнуть власть Временного правительства. „Семиреченские областные ведомости“ (№ 155 от 14 июля) в связи с событиями в Пишпеке с ужасом писали: „Лепсинск еще не успел успокоиться, а на смену ему приходит Пишпек“.

К июлю месяцу относятся первые шаги по оформлению в Верном большевистской организации, которая вынуждена была работать в условиях подполья.

На революционизирование трудящихся области оказывало непосредственное воздействие движение в Ташкенте. 12 сентября ташкентский пролетариат свергает власть Временного правительства. Власть в городе на короткое время переходит в руки Совета рабочих и солдатских депутатов.

Приближалась Октябрьская революция. Областная и уездная администрация Временного правительства констатировала к октябрю 1917 г. повсеместное в области „ослабление власти“. „Положение уездной администрации,— читаем мы в протоколе совещания уездных комиссаров от 8 октября 1917 года,— крайне неопределенно, нет гарантии, что ее распоряжения будут выполняться... туземное население обнаруживает попытки к самообороне, приобретает оружие нелегальным способом“.[3])

---

[1]) Каз. Ц А У.

[2]) Каз. архив; ф. комиссара Временного правительства по Семиреченской области за 1917 г. № 213.

[3]) Каз. архив, ф. комиссара Временного правительства по Семиреченской области за 1917 г., д. № 180, лист 400—405.

БЕЛОКАЗАЧЬЯ ДИКТАТУРА

Установление власти советов в Семиречьи произошло на несколько месяцев позднее, чем в центральных и решающих районах страны, позднее чем в Ташкенте и других, граничащих с Семиречьем, областях. В этом сказались прежде всего слабость и недостаточная организованность революционных сил. С конца 1917 года в Семиречьи, и в особенности в гор. Верном, стали собираться из Туркестана и России осколки разгромленных там белогвардейцев. В одном Верном, по далеко неполным данным, насчитывалось к концу 1917 года до 400 белых офицеров и юнкеров. Российская и туркестанская буржуазия возлагала на Семиречье большие надежды и готовила в последнем, вкупе с местными эксплоататорскими элементами, казачью вандею для всей Средней Азии. Здесь с осени 1917 года приступили к организации контрреволюционного похода на Ташкент. Организатором и душой этого похода был комиссар Временного правительства эсер Иванов.

„Мобилизовав станичников и разоружив во всех гарнизонах регулярные части... Иванов собрался в „победоносный" поход на Ташкент... Станица Каскелен была подготовлена в военно-инженерном отношении. Соорудив блиндажи, вырыв окопы и волчьи ямы, семиреченские полководцы намеревались разбить наступающих со стороны Ташкента большевиков, а затем обрушиться всей своей военной мощью на Ташкент и перевешать здесь всех вожаков революции".[1])

Из боязни проникновения большевистской „заразы" в Семиречье развернут был в станице Каскелен своего рода карантин для возвращавшихся с фронта солдат. „Здесь делали им обыски, распознавали их по глазам о политическом настроении, всячески препятствуя проникновению в область большевистски настроенных элементов".[2])

Сюда в Семиречье протягивались интервенционистские нити международного империализма. Огромную роль сыграли в этом отношении оставшиеся в Западном Китае царские консульства в Кульдже, Кашгаре и Чугучаке, а равно функционировавшие там отделения Русско-Азиатского банка.[3]) Они являлись центрами организации белогвардейских банд, снабжения их оружием и средствами. Через них действовал также английский империализм, в расчеты которого входило сделать Семиречье одной

[1]) „Наша газета". № 114, Ташкент 8-VI 1918 г.
[2]) „Наша газета". Тот же номер.
[3]) Каз. архив; ф. Исполкома Семиреченской области за 1918 г.

из опорных баз для оккупации всего Туркестана и отрыва его от Советской России.

Таким образом, в Семиречьи теснейшим образом переплелись планы внутренней и международной контрреволюции. И задачи борьбы за советскую власть приобрели здесь исключительное значение для всего советского Востока и Сибири.

Все возрастающая активность трудящихся масс, победы, одержанные советской властью в районах, граничащих с Семиречьем, толкали верхи казачества, байство, кулачество, а также другие национальные группы буржуазии области (татары, узбеки, дунгане, уйгуры) к объединению своих сил и установлению единого фронта борьбы против пролетарской диктатуры.

Главенствующую и руководящую роль в этом блоке контрреволюционных сил сыграли верхи семиреченского казачества. Со 2 ноября (старого стиля) 1917 года сразу после победы Октябрьской революции объявлена была по области диктатура Семиреченского казачьего войска и развернулось жестокое преследование всех революционных организаций и в первую голову большевиков. В конце декабря разогнан был совдеп, где под влиянием большевиков в борьбе с меньшевистско-эсеровским большинством совета начало оформляться подлинно революционное крыло. Были разоружены солдатские части, закрыта на 6 номере областная крестьянская газета и запрещены собрания и митинги. Область объявлена была на военном положении, начались повальные аресты, а в ряде случаев и расстрелы революционных работников. Расстреляны были редактор крестьянской газеты Березовский и председатель мещанской управы Овчаров. В то же время белоказачья диктатура ускоренно формировала свои вооруженные силы, организовывала школы юнкеров, масса оружия была роздана по казачьим станицам и старожильческим селам, приступлено было к организации алашских и других отрядов националистической контрреволюции.

В целях наилучшей организации контрреволюционных сил созван был в январе 1918 года ряд областных контрреволюционных съездов — казачий, казакско-киргизский, татарский и др., на которых разрабатывались планы дальнейшей борьбы против пролетарской диктатуры.

Важнейшей составной частью всего контрреволюционного фронта являлась партия „алаш“. После ее декабрьского оренбургского съезда, на котором открыто была провозглашена борьба с советской властью и организация контрреволюционной автономии „Алаш-Орда“, повсеместно по Казакстану началось формирование алашских контрреволюционных отрядов и включение этих отрядов в общий фронт белогвардейских сил.

В Семиречьи под защитой белоказачьей диктатуры были особо благоприятные условия для развертывания работы „алаш“ и формирования алашских вооруженных сил. В начале 1918 года по всему Семиречью имелась разветвленная организация партии „алаш“ и ряд вооруженных отрядов, насчитывавших значительное число участников. Все это делало семиреченских алашордынцев одним из передовых и наиболее сильных отрядов байства, а также всей национальной буржуазии в Средней Азии. Далеко поэтому не случайно, что руководитель семиреченских алашор-

дынцев Тынышпаев оказался во главе контрреволюционной „Кокандской автономии“.

Далеко не случайным является и переезд Тынышпаева в Семиречье незадолго до падения „Кокандской автономии“, когда последняя, теснимая восставшей против нее туркестанской беднотой и Красной армией, переживала критические минуты и нуждалась в укреплении своих сил.

Туркестанская националистическая контрреволюция рассчитывала организовать в Семиречьи поддержку своему центру — „Кокандской автономии“.

ПОДГОТОВКА ПЕРЕВОРОТА

Свирепствовавшая в области белоказачья диктатура не в силах была, однако, изолировать трудящихся Семиречья, несмотря на все карантины и потоки антисоветской лжи и клеветы, от влияния нашей партии и Октябрьской революции, лозунги которых все больше и больше проникали в самую толщу широких трудящихся масс и поднимали их революционную активность.

Огромное значение в деле революционизирования трудящихся масс области имело то обстоятельство, что в конце 1917 и в начале 1918 года усилился приток фронтовиков в села и мобилизованных на тыловые работы в 1916 году казаков — в аулы. Они приносили с собой большевистские лозунги, опыт борьбы за советскую власть на фронтах и в крупных промышленных центрах. Многие из них становились подлинными организаторами революционной активности масс и направляли стихийно нароставшее недовольство трудящихся белоказачьей диктатурой в русло борьбы за победу советской власти в области.

Они вместе с тем способствовали и росту интернациональной солидарности трудящихся области. В этой связи следует отметить факт возникновения в феврале 1918 года в Сергиополе так называемой „русско-мусульманской солдатской организации". Эта организация насчитывала весной 1918 года до 800 членов и по своей политической ориентации стояла на страже советской власти.[1])

Активной революционной силой в перевороте оказался так называемый „Объединенный союз мусульманских рабочих". Возник он в Верном в мае 1917 г. На первых порах союз был крайне малочисленным и находился под влиянием эсеров. Постепенно он освобождался от этого влияния, увеличивал число своих членов (к концу июня в него входили 600 чел.) и стал сплачивать вокруг себя заметную часть городской бедноты, рабочих и ремесленников коренных национальностей. „Накануне Октябрьского переворота, — пишет в своих воспоминаниях тов. Розыбакиев, — когда буржуазно-национальные комитеты организовали „мусульманскую милицию" для поддержки Временного правительства, большинство членов союза не только не пошло в милицию, но наоборот, боролось против нее. В дни после Октябрьского переворота значительная

---

[1]) „Заря свободы". (Гор. Верный) № 12 от 22-III 1918 г.

часть союза пошла в ряды Красной гвардии". [1]) Объединения трудящихся коренных национальностей существовали со второй половины 17 года почти во всех городах Семиречья.

Следует также иметь в виду, что тяготы империалистической войны и общий революционный подъем не прошли бесследно и для казачества. Революционные лозунги просачивались через различные каналы и в среду казачьей молодежи и в вооруженные казачьи отряды. В этом отношении необходимо особо выделить 2 Семиреченский казачий полк, возвратившийся с персидского фронта в начале 1918 года. Он был проникнут демобилизационными настроениями и в своем большинстве советски настроен.

Учитывая значение Семиречья, Совнарком Туркестана и крайком партии большевиков осенью 1917 года направили сюда для подпольной работы ряд ответственных партийных работников, держали крепкую связь с местными подпольными большевистскими организациями и руководили их работой.

Несмотря на жестокие преследования, местные организации большевиков росли, укрепляли связь с массами и возглавляли их революционную активность. Подпольная организация большевиков в Верном, сыгравшая руководящую роль в подготовке и непосредственной организации советского переворота в области, состояла „из наиболее сознательной части крестьянского съезда и его совета, из местных рабочих и возвратившихся фронтовиков-солдат, уже получивших боевое крещение в российском и туркестанском перевороте". [2])

Особую активность проявляла также подпольная партийная организация в Пишпеке; она имела серьезные связи с рабочими на строительстве Чуйской оросительной системы, организовала их в декабре 1917 года в профсоюз строительных рабочих и в январе 1918 года успешно провела забастовку на строительстве. Отдельные подпольные большевистские группы существовали и в других пунктах области.

Кроме оформленных подпольных большевистских групп в ряде мест стихийно возникали большевистски настроенные кружки из солдат-фронтовиков, ставившие перед собой задачу борьбы за советскую власть.

Успех подпольных большевистских организаций сказался в работе 2 крестьянского съезда, собравшегося в январе 1918 года. На съезде присутствовало 153 делегата из разных углов Семиречья. Комиссары Временного правительства рассчитывали, что им удастся обеспечить свое влияние на этом съезде и тем самым затормозить процесс революционизирования крестьянских масс. На деле получилось обратное. Обсуждая вопрос „о текущем моменте в России", съезд большинством голосов в 131 при 15 против и 7 воздержавшихся, открыто объявил себя сторонником советской власти.

„Съезд,— читаем мы в резолюции по этому вопросу,— пришел к одному заключению... В центре России, начиная с 25 октября 1917 года, вся власть перешла в руки советов солдат, крестьян, рабочих, трудового

---

[1]) Истпарт Казкрайкома ВКП(б). Материалы по истории Октября и гражданской войны в Семиречьи.

[2]) Г. Трофимов. „Из прошлого компартии в Джетысу". „Комм. мысль", издание САКУ, кн. № 3 за 27 г., стр. 277.

казачества, примкнувшего частью к трудовому движению... Власть народа, власть советов окрепла... Жалкие попытки ненасытившихся помещиков и капиталистов разбились о мощь и твердый дух народа, и мы, семиреченцы, отброшенные от центра, открыто подаем свой голос товарищам-крестьянам, борцам за свободу, за закрепление порядка и других завоеваний революции“[1]).

Эту свою позицию 2 крестьянский съезд упорно проводил во всех резолюциях, несмотря на различного рода провокации и угрозы. Обсуждая вопрос о войне и мире, съезд постановил: „Мы, жители Семиреченской области, присоединяемся к той платформе, которую объявила власть народных комиссаров и совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов — к миру без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов...“[2]).

„Упрямый съезд,— пишет т. Трофимов,— руководимый большевиками Павловым, Казаковым, Гречко и другими сторонниками совласти, остался при своем твердом решении. „В России советы, и мы за советы. В России виднее, где правда“. С тем и разъехались по домам, чтобы скорее поднять крестьянство на вооруженную борьбу за советскую власть“[3]).

Крайне показательным для характеристики советской ориентации подавляющего большинства съезда является следующий эпизод. Перед окончанием работ съезда получена была телеграмма о роспуске учредительного собрания. Комиссары Временного правительства развернули в связи с этим бешеную антисоветскую травлю, пытаясь склонить на свою сторону съезд. Однако, добиться от съезда резолюции протеста в связи с разгоном учредилки комиссарам Временного правительства так и не удалось. Наоборот, связавшись по прямому проводу с Питером и получив оттуда точную информацию о причинах разгона учредилки, съезд недвусмысленно заявил, что „Совнарком поступил правильно, что раз учредилка высказалась против советской власти, то ее и следовало разогнать“.

Это, конечно, не значит, что съезд не принял ошибочных решений. Резолюции съезда показывают, что трудящиеся массы русского крестьянского населения области даже в их передовой части далеко и далеко еще не освободились от тех шовинистических предрассудков, которые десятилетиями прививались среди них царизмом и российской буржуазией.

Высказываясь за тесное сближение с трудящимися массами коренного населения, за решительную борьбу против кулацкого террора над казаками и киргизами, съезд вместе с тем ни словом не обмолвился против земельных захватов и массовой экспроприации казакской и киргизской земли, ни слова не сказал о жгучей необходимости в хозяйственной и продовольственной помощи для коренного населения.

Закончил свою работу 2 крестьянский съезд выборами областного крестьянского совета, который стал опорой верненской подпольной большевистской организации в подготовке захвата власти.

1) „Голос крестьянина“. № 3 Ташкент, 13-III-1918 г.
2) „Голос крестьянина“. Тот же номер.
3) П. Трофимов. „Комм. мысль“. № 3 за 1927 г., стр. 276.

Эту свою роль областной крестьянский совет выполнил, несмотря на то, что комиссары Временного правительства тут же после выборов разогнали его — бросили часть членов совета вместе с его председателем большевиком Гречко в тюрьму и заставили других его членов уйти в подполье.

Успешный характер работы большевистских организаций сказался в том, что уже в январе 1918 г. советская власть установилась в Пишпеке и Токмаке, что значительно ускорило и облегчило свержение белоказачьей диктатуры во всей области. В Пишпеке, происходивший 15 января 1918 г. (старого стиля) под руководством небольшой группы работников совета рабочих депутатов, продовольственный крестьянский съезд объявил себя учредительным, „ввел советскую власть и выделил из себя Совет народных депутатов“[1]).

Таков общий ход событий накануне победы советской власти во всей Семиреченской области, ставшей в то время местом сосредоточения сил контрреволюции Сибири и Средней Азии, объектом вожделений международной империалистической интервенции.

---

[1]) Казархив; ф. Семиреченск. облисполкома за 1918 г. Из доклада председателя уездного исполкома на 1 пишпекском уездном съезде советов.

ЗАХВАТ ВЛАСТИ

Примерно с января 1918 года, после того как второй областной крестьянский съезд открыто встал на сторону советской власти, верненская нелегальная большевистская организация приступила к непосредственной подготовке восстания. Развертывается организация подпольных групп среди солдат-фронтовиков и на отдельных предприятиях города. Усиливается агитация среди бедноты за немедленный захват власти. Особое значение имело наличие подпольной партийной группы среди союза почтово-телеграфных служащих. Последняя дала возможность верненским большевикам иметь постоянную крепкую связь с Ташкентом, получать оттуда необходимые директивы и информацию и быть, таким образом, все время в курсе положения страны и Туркестанского края. Во всей своей работе верненские большевики опирались на областной крестьянский совет и через него охватывали своим влиянием массы.

В конце января и в начале февраля 1918 года белоказачья диктатура усиливает террор и прибегает к массовым арестам среди большевиков, среди членов областного крестьянского совета и передовиков-фронтовиков. Наиболее видные работники большевистской организации вынуждены были оставить Верный. Одно время ставился даже вопрос о переезде всей руководящей части организации в Пишпек. Несмотря на это, работа по подготовке восстания не приостанавливается.

Значительно изменилась обстановка с прибытием в феврале 1918 года 2-го Семиреченского казачьего полка. По своим политическим настроениям полк представлял неоднородную массу. Были элементы, активно поддерживавшие белоказачью диктатуру. С другой стороны, имелись элементы, готовые выступить с оружием в руках на защиту советской власти. Но и те и другие составляли меньшинство в полку. Подавляющая масса бойцов, будучи советски настроенной и глубоко недовольной своим офицерством, вместе с тем была подвержена всяческим колебаниям и очень туго шла на открытый разрыв и вооруженную борьбу с белоказачьей диктатурой. Требовалась значительная работа для того, чтобы активизировать эту массу и сделать ее участницей готовившегося переворота.

На первом митинге, созванном в полку подпольной большевистской организацией, определенно выявились советские настроения, имевшиеся там. Несмотря на увещания и угрозы присутствовавших на митинге представителей войскового совета, был ряд открытых выступлений против учредительного собрания, за поддержку решений 2-го областного съезда крестьянских депутатов. К тому времени большевистская организация

располагала также отдельными, хотя и малочисленными, элементами сочувствующих и среди других, находившихся в Верном казачьих воинских частей, в том числе среди команды писарей войскового хозяйственного управления.

Первая попытка поднять массы на восстание была сделана 15 февраля[1]). Большевистская организация решила созвать в этот день на Старокладбищенской площади около казармы 2-го Семиреченского казачьего полка митинг солдат-фронтовиков и городской бедноты, причем имелось в виду, что к митингу примкнет и 2-й Семиреченский казачий полк и этим создастся реальная возможность для немедленного захвата власти. В ночь с 14 на 15 февраля расклеены были по всему городу воззвания с призывом собраться на митинг.

15 утром стали стекаться на Старокладбищенскую площадь фронтовики и беднота со всех концов города. К полудню на митинг собралось около 1500 человек. Однако, условия для немедленного свержения белоказачьей диктатуры были еще недостаточно подготовлены. Прежде всего это сказалось на позиции 2-го Семиреченского казачьего полка. Из 300 бойцов полка на митинге присутствовали только 20—30 человек, остальные, несмотря на то, что митинг продолжался более 7 часов, отсиживались в казармах. Войсковой совет быстро учел это обстоятельство, сравнительно легко разогнал митинг и арестовал наиболее активных участников и организаторов его, в том числе и некоторых из 2-го Семиреченского полка.

Эти аресты и дальнейшее усиление террора не укрепили положения белоказачьей диктатуры прежде всего потому, что в части области, в Пишпеке и Токмаке, уже в конце января—начале февраля 1918 года победила советская власть и шло формирование красных вооруженных частей. В самом Верном росли продовольственные затруднения и усиливалось недовольство трудящихся. Не прекращались волнения жен солдат. С каждым днем росло число возвратившихся с фронта революционно настроенных солдат. Опыт Октября на фронте и в промышленных центрах, политическая обстановка в Верном и области, а также та гнетущая нужда, в которую попадали фронтовики по возвращении домой — все это поднимало их революционную активность. В этих условиях работа партийной организации все более разрасталась, не прекращались митинги и массовая агитация за захват власти. 2-й Семиреченский полк, сочувственно настроенный к советам, хотя в первое время и не проявлял активности, все же в сильной степени затруднял борьбу войскового совета со все более и более революционизировавшимися массами.

Чтобы развязать себе руки в борьбе против нарастающей революционной активности масс, войсковой совет Семиреченского казачьего войска решил во что бы то ни стало разоружить 2-й Семиреченский полк. Привести это решение в исполнение можно было лишь выступив в открытое вооруженное столкновение с полком. На этот шаг войсковой совет не решился. Он предпочитал прямую атаку заменить замаскированными приемами обмана бойцов.

---

[1]) Дата событий дана здесь и дальше по новому стилю. *Б.* и *Ш.*

Между тем, большевистская организация великолепно учитывала, какое значение имеет позиция полка для успешного исхода борьбы. После неудавшегося февральского митинга, она усиливает свою работу в казармах и добивается налаживания тесной связи с полком. Как только большевистская организация получила уверенность в том, что полк в своем большинстве открыто поддержит переворот, она решает повторить попытку захвата власти. С этой целью 2 марта созывается массовый митинг, на сей раз уже не около казарм Семиреченского полка, а в самих казармах. Собралось больше 1000 человек рабочих, фронтовиков и городской бедноты. Участвовал полк в целом, за исключением одной команды (30—40 бойцов). Митинг принял предложение большевистской организации — разоружить оставшиеся верными Временному правительству воинские части, немедленно освободить политических заключенных и организовать советскую власть. Сейчас же после митинга состоялось созванное большевиками совещание активных организаторов переворота для разработки конкретного плана восстания. Руководил совещанием тов. Виноградов — один из видных членов верненской подпольной большевистской организации. Решено было немедленно сформировать ряд отрядов и двинуть их на захват центральных учреждений и разоружение верных Временному правительству воинских частей.

Узнав о происходившем митинге и не решаясь на открытый вооруженный конфликт со 2-м полком, войсковой совет прибегает к хитрости, стремясь заманить в безоружном виде 2-й полк в Малую станицу (казачья станица — пригород Верного, где в то время находился войсковой совет) и арестовать там всех сторонников советской власти.

„2 марта 1918 года, — передает в своих воспоминаниях один из бойцов этого полка т. Гуляев,—войсковой круг запросил прислать в круг несколько представителей 2-го полка. Через некоторое время после посылки первой делегации круг попросил прислать других представителей. Мы недоумевали. Решили послать вторую делегацию в числе восьми человек и следом за ней дозор из трех человек для того, чтобы тайно наблюдать, что будут в круге делать с нашей делегацией. Через некоторое время дозор вернулся и с жаром рассказал, что наши делегаты, дойдя до круга, последним арестованы. Это известие крайне возмутило казаков. Началось волнение... Приезжает командир 2-го полка сотник Бойко, вызвал горниста, велел играть тревогу, а полку дал приказ выехать без оружия для осмотра полка кругом“. — Хитрость эта, однако не удалась. Она имела своим результатом только усиление возбуждения среди бойцов. „Полк, — продолжает т. Гуляев, — пришел в недоумение. В это время наши полковые политические руководители Старков, Лаптев и др. выступили против командира, арестовали его и призвали полк взять оружие“[1]). Быстро вооружившись, бойцы двинулись конным строем в станицу, окружили здание, где заседал войсковой круг, освободили своих делегатов и арестовали ряд видных членов войскового круга и войскового совета. Вслед за этим они разбились по заранее разработанному плану на отряды и двинулись к тюрьме освобождать политических заключенных.

---

[1]) Истпарт Казкрайкома ВКП(б). Матер. к истории гражданской войны в Семиречьи.

Большевистская организация привела в это время в движение все революционные элементы города, рабочих, фронтовиков и бедноту. Тов. Кислов, один из активных организаторов восстания, в своих воспоминаниях рассказывает: „2 марта после освобождения из тюрьмы политических заключенных, в 6 часов вечера, инициаторы переворота проскакали на окраины города, где главным образом был верненский пролетариат, подъезжали к каждой избушке, кричали: „кто за спасение революции, бегите в казармы 2-го казачьего полка и получайте оружие“[1].)

К казармам 2-го Семиреченского казачьего полка стали стекаться массами фронтовики, рабочие и беднота местных национальностей. Здесь они быстро формировались в отряды и направлялись на захват центральных правительственных учреждений и разоружение белогвардейских воинских частей. Прежде всего направлен был отряд для захвата почты и телеграфа. Скоро после этого был двинут отряд для разоружения школы прапорщиков. Эти операции были успешно выполнены.

В ночь на 3 марта отряд под руководством тов. Горбатенко, который в то время был членом верненской большевистской организации, занял крепость, — опорный пункт белоказачьей диктатуры. Чтобы избежать излишнего кровопролития и облегчить занятие крепости, решено было заранее узнать пароль и, воспользовавшись им, снять стоявшую там караульную команду из солдат 3-го Семиреченского казачьего полка и заменить ее бойцами 2-го полка. Разразившаяся в ту ночь снежная метель этому способствовала. К 9 часам вечера команда казаков 2-го полка, воспользовавшись паролем, сменила караульную команду, стоявшую до этого в крепости, и впустила подоспевший к тому времени к крепости отряд фронтовиков-солдат под командой т. Горбатенко. Вскоре в крепость начали массами прибывать из города трудящиеся. Быстро сформирован был крепостной гарнизон. За ночь роздано было до 1000 винтовок для организующихся в городе красногвардейских отрядов. К утру 3 марта сформирован был 1-й красногвардейский полк, расположившийся в городских казармах.

В ходе восстания, в ночь со 2 на 3 марта был образован Военнореволюционный комитет, сосредоточивший в своих руках полноту власти. В состав ревкома входили представители большевистской и лево-эсеровской организаций, почти в полном составе областной крестьянский совет и некоторые из выдвинувшихся бойцов 2-го Семиреченского полка[2]).

Комиссары Временного правительства по Семиреченской области Шкапский и Иванов, а также и уцелевшая от ареста часть руководящей

---

1) Истпарт Казкрайкома ВКП(б). Матер. к истории гражданской войны в Семиречьи.

2) Активное участие второго Семиреченского полка в перевороте оказало революционизирующее влияние на все сибирское казачество. Об этом между прочим свидетельствуют обращения Семипалатинского военного штаба белогвардейских вооруженных сил „к сибирскому казачеству“.

Среди моря лжи и клеветы у классового врага кое-где в этом обращении прорываются и такие признания: „классовая борьба началась и в станицах, станичники попали в „буржуи“, а часть фронтовой молодежи, называя себя революционерами, трудовым казачеством, подняла на них руку... Агитаторы большевизма не покидали казарм казачьих сотен (речь идет о казармах 2-го полка *Б.* и *Ш.*), расшатывание дисциплины и внушение большевистских воззрений проводилось неуклонно и последовательно“. („Свободная речь“ № 175 от 5 июня 1918 года).

головки войскового совета и областного административного аппарата в ту же ночь скрылись из города. В Верном установилась советская власть.

С огромным воодушевлением встретили трудящиеся сел и аулов весть о победе советов в Верном и оценили ее, как призыв к установлению советской власти по всей области. Об этом свидетельствуют телеграммы, поступившие вскоре после переворота со всех концов области, в том числе даже из самых отдаленных ее уголков с приветствиями Военно-революционному комитету и признанием советской власти.

„Услышав сегодня о победе большевизма, весь народ горячо приветствует новую власть Семиречья. Бывшие комиссары Временного правительства в защиту нас, киргизов от грабежей, убийств и голода никаких мер к прекращению не оказывали. Ожидаем от вас лучшего".[1]) Так телеграфировали трудящиеся Кутемалдинской волости. Показателем нараставшей революционной активности трудящихся коренного населения является телеграмма из Пишпека, в которой передавалась „просьба от 83 тысяч граждан", чтобы „их изолировали от манапов"[2]).

Весть о победе советов в Семиречьи встретила сочувственный отклик и среди трудовых элементов русского казачества. 13 марта зачитана была на заседании Военно-революционного комитета резолюция комитета 3-го Семиреченского взвода лейб-гвардии сводного казачьего полка, в которой последний сообщал ревкому, „что гвардейцы радостно услыхали весть, что в родном Семиречьи восторжествовала советская власть, каковую власть они приветствуют и желают плодотворной работы на благо народа"[3]).

Опираясь на сочувствие и поддержку широких масс, Военно-революционный комитет ставит перед собой задачу установления советской власти по всей области и формирования на местах органов пролетарской диктатуры. Решалась эта задача в крайне трудных и сложных условиях классовой борьбы. При этом следует иметь в виду, что город Верный был окружен плотным кольцом казачьих станиц, где влияние белого казачества продолжало оставаться сильным и после переворота. Это обстоятельство создавало огромные трудности для Военно-революционного комитета в установлении непосредственной связи с трудящимися области и с уездными городами. Несмотря на это, благодаря огромной революционной инициативе, проявленной самими трудящимися, советская власть уже в конце марта укрепилась в значительной части области. В Пишпеке и Токмаке, где советская власть установилась еще в январе, имелись к тому времени сформированные красногвардейские отряды, которые оказывали активную помощь окружающим селам и аулам в борьбе с белогвардейщиной и в организации советских органов власти. В Токмаке в те дни имелась крепко сплоченная красногвардейская дружина в составе 600 бойцов при нескольких пулеметах[4]).

В Джаркенте советская власть установилась вскоре после переворота в Верном. Здесь со 2 половины марта развернулась большая органи-

---

1) „Заря свободы". № 12 от 22-III 1918 г.
2) „Заря свободы". № 22 от 3-IV 1918 г.
3) „Заря свободы". № 8 от 18-III 1918 г.
4) „Наша газета". № 44 от 9|III 1918 г.

зационная работа по формированию красных отрядов из трудящихся уйгуров и дунган. Победа советской власти в Джаркенте создала значительные трудности для контрреволюционных элементов области в сохранении ими связи с зарубежным белогвардейским центром, находившимся в Западном Китае. Она вместе с тем облегчила советской власти возможность установления связи с казакскими и киргизскими трудящимися, бежавшими в Китай после восстания в 1916 году.

Вслед за Джаркентом советская власть установилась в Пржевальске. Огромную помощь в этом оказал красногвардейский отряд из Пишпека. Характеризуя положение в Пржевальском уезде в первое время после переворота, делегат от пржевальской организации на 3 краевом съезде коммунистической партии Туркестана говорил: „нам долго пришлось улаживать русско-киргизские отношения. Партия коммунистов-большевиков после принятия власти взяла мусульман под свою защиту. Сейчас же были созданы агитаторские курсы, на которых мы подготовили кадры партийных работников, послали их в массы. Они сумели посеять среди угнетенной бедноты семена коммунизма... Киргизы теперь нам часто говорят: „Мы поняли за кем мы идем и кого вы защищаете, теперь никакие прохвосты, так называемые „защитники крестьянства“ и позорно бежавшие в Китай не обманут нас...“[1])

В марте 1918 года советская власть установилась в Копале. Для характеристики политического настроения трудящихся Копальского уезда, и не только этого уезда, приведем следующую телеграмму, которая в то время поступила в Петроград на имя Совета народных комиссаров. В этой телеграмме содержалась просьба о высылке всех декретов со дня установления советской власти „для оповещения населения“, так как „находясь в такой отдаленности от центра России, как Копал Семиреченской области, мы почти совершенно не знаем распоряжений Совета народных комиссаров, каковые нам крайне необходимы“[2]).

Из уездных центров движение за присоединение к советской власти начало перекидываться в села и аулы. В начале апреля 1918 года положение в области рисовалось в следующем виде: в Верненском уезде—советская власть в областном центре, в Верном, а в прилегающих казачьих станицах и старожильческих селах фактическое господство остатков белоказачьей диктатуры; в Пишпекском уезде—власть советов по всей территории уезда; в Джаркентском, Пржевальском и Копальском уездах—власть советов в уездных городах, части аулов и новосельческих деревнях и господство осколков белогвардейщины в казачьих станицах, старожильческих селах и непосредственно прилегающих к ним новосельческих селах и аулах, наконец в Лепсинском уезде — власть белоказачьей диктатуры как в уездном центре, так и за небольшим исключением, на всей территории уезда.

Таким образом, окончательный разгром белого казачества и в первую голову контрреволюционных гнезд в Верненском уезде являлся необходимым условием дальнейшего упрочения советской власти по всей области.

---

[1]) „Туркестанский коммунист“. № 50, Ташкент 17-VI 1919 г.
[2]) Центральный архив Октябрьской революции, д. № 99.

ОБ ОШИБКАХ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И МЕСТНЫХ СОВЕТОВ

Опыт Октября и гражданской войны в Семиречьи, как и во всем Казакстане и Киргизии, с несомненностью показывает, что и для этих республик остается абсолютно правильным то положение, что „освободительная политика нашей партии завоевала ей сочувствие и поддержку широких масс этих национальностей в ее борьбе против царизма и империалистической русской буржуазии..., что это сочувствие и эта поддержка послужили одним из решающих моментов, определивших победу нашей партии в Октябрьские дни“,[1]) что в гражданской войне против белогвардейских банд Колчака, Деникина, Врангеля, Юденича и т. д. без сочувствия трудящихся ранее угнетенных национальностей „мы бы не сковырнули ни одного из этих генералов“.[2])

Алашордынцы всячески старались доказать обратное. Широко используя слабость и ошибки местных советов и партийной организации, допущенные ими в начальный период их существования, они все меры принимали, чтобы дискредитировать всю систему пролетарской диктатуры в глазах трудящихся масс и неустанно проповедывали идею неправомерности Октября в Казакстане. Вождь алашской интеллигенции Байтурсунов в своей статье „Революция и киргизы“[3]), пытаясь опорочить Октябрь в Казакстане, писал: „как происходило большевистское движение в центральной части России,—киргизам было неизвестно. На окраинах же оно сопровождалось повсюду насилиями, грабежами, злоупотреблениями и своеобразной диктаторской властью. Говоря короче, движение на окраинах часто представляло собой не революцию (как обычно она понимается), а полнейшую анархию“. Такова оценка злейшего врага казакских трудящихся, организатора и вдохновителя контрреволюционной алашской „автономии“. Вполне понятно, что этой оценкой Байтурсунов целиком оправдывал контрреволюционную работу алашордынцев и их борьбу против советской власти.

Не свободны от грубейших ошибок при оценке этого этапа советской власти в Семиречьи и некоторые коммунисты-исследователи. Тов. Сафаров в своей работе „Колониальная революция“, касаясь первых месяцев гражданской войны в Семиречьи, пишет: „в войне между Шкап-

---

[1]) Сталин. „Марксизм и национально-колониальный вопрос“. Изд. 1934 г., стр. 105.
[2]) XII съезд партии. Стенограф. отчет. Доклад тов. Сталина. Стр. 445.
[3]) „Жизнь национальностей“. № 29 от 3-VIII—1919 г.

ским, опиравшимся на казаков, и советами — русские переселенцы встали на сторону советов, подтолкнутые на это старой сословной враждой с казачеством и возможностью воспользоваться его богатыми достатками". „Семиреченское кулачье неожиданно стало „опорой" советской власти и коммунистической партии, а „советская власть" и „коммунистическая партия", в свою очередь, сделались проводниками его интересов".[1]) Хотя тов. Сафаров в приведенных цитатах берет слова советская власть и коммунистическая партия в кавычки, однако, это нисколько не меняет и не смягчает сути и смысла его оценки, заключающейся в том, что местные советы и партийные организации являлись в то время „проводниками интересов" кулачества, ставшего, в свою очередь, опорой советов. К кулачеству, как мы уже знаем, тов. Сафаров причисляет всю крестьянскую массу русского населения области, в том числе и маломощные слои новосельческой деревни. И это „сплошное кулачество" боролось, по мнению тов. Сафарова, за советскую власть из-за сословной вражды с казачеством. В другом месте он объясняет содержание этой сословной вражды: „...семиреченские кулаки поддерживают фронт против казаков из сословных соображений, в силу старой вражды с казаками из-за того, кому будет принадлежать монополия эксплоатации киргизов".[2]) Выходит, по мнению тов. Сафарова, что борьба за и против советской власти в Семиречьи была по существу борьбой между двумя эксплоататорскими группами за монопольное право эксплоатации казакских трудящихся, что кулачество в противовес казачеству именно советскую форму выбрало как наиболее целесообразную форму реализации своих колонизаторских интересов. Какое же отношение имело ко всему этому коренное население? Оно, как пишет в той же статье тов. Сафаров, образовало фронт против советской власти.

Аналогичную „историю" гражданской войны в Семиречьи рисует и тов. Муравейский. „В Семиречьи,— пишет он,— шла борьба за власть советов между отрядами Красной армии, опирающимися на русское крестьянство против белогвардейщины, руководимой бывшим членом комитета Временного правительства Шкапским, опирающимся на казачество. Борьба р у с с к о г о к у л а ч е с к о г о к р е с т ь я н с т в а з а з е м л ю против привилегированного положения казачества, за „монополию" пользования киргизскими землями и эксплоатации киргизской бедноты,—поставила его в ряды „защитников" советской власти. Однако, во все время борьбы кулаческая часть русского крестьянства в Семиречьи всегда отстаивала свои классовые кулацкие интересы, ведя на поводу отсталые слои крестьянства и в этих целях вело борьбу с казачеством".[3])

В основном точка зрения тт. Сафарова и Муравейского сводится к тому, что в Семиречьи, во-первых, не было, якобы, абсолютно никаких революционных сил, способных вместе с российским пролетариатом и под его руководством встать в ряды борцов за диктатуру пролетариата: коренное население вследствие крайне слабой социальной диференциации, вследствие того, что оно было оттолкнуто всей политикой местных сове-

[1]) С а ф а р о в. „Колониальная революция". Стр. 85—86.

[2]) „Правда". № 162 от 24-IV—1920 г.

[3]) М у р а в е й с к и й. „Очерки по истории революционного движения в Средней Азии". Ташкент, 1920 г. Стр. 20—21.

тов; пришлое русское крестьянское население вследствие своей принадлежности, якобы, сплошь к кулачеству; во вторых, что пролетарская революция совершилась здесь не в октябре 1917 года, а много позднее, что колониальное положение Семиречья и колониальное порабощение коренного населения сохранилось и на первом этапе власти советов. Не борьба за ликвидацию колониального положения Семиречья, а борьба за сохранение Семиречья как колонии русской империалистической буржуазии,—вот что, по мнению цитированных выше товарищей, характеризует первые шаги местных советов.

Такое понимание объективно ведет к оправданию всей контрреволюционной борьбы алашордынцев и к тому, чтобы вопреки исторической правде изобразить всю массу казакских трудящихся как опору алашской „автономии". Что мы имеем здесь дело с влиянием алашордынской историографии, доказывать особенно не приходится.

Конкретный анализ революционного процесса вдребезги разбивает все эти построения тов. Сафарова.

В 1916 году в своей статье „Итоги дискуссии о самоопределении" Ленин писал: „...думать, что мыслима социальная революция без восстаний мелких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии со всеми ее предрассудками, без движений несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета,— думать так, значит отрекаться от социальной революции".[1]) „Кто ждет „чистой" социальной революции, тот никогда ее не дождется. Тот революционер на словах, не понимающий действительной революции". Приведенное ленинское положение является ключем к пониманию всей тогдашней обстановки в Семиречьи. В этой сугубо отсталой части Казакстана с тяжелым колониальным наследием, с обостренными межнациональными отношениями меньше всего можно и нужно было ожидать „чистой" социальной революции. Здесь массы мелкой буржуазии вносили в борьбу немало предрассудков, которые в огромной степени осложняли весь революционный процесс. И все же их борьба объективно являлась борьбой против капитала, против российской империалистической буржуазии и колониального режима в Казакстане, за пролетарскую диктатуру, за социальное и национальное освобождение казакских трудящихся масс. Ибо, как писал Ленин в цитированной выше статье, „сознательный авангард революции, передовой пролетариат, выражая эту объективную истину разношерстной и разноголосой, пестрой и внешне раздробленной массовой борьбы, сможет объединить и направить ее, завоевать власть, захватить банки, экспроприировать ненавистные всем (хотя по разным причинам!) тресты и осуществить другие диктаторские меры, дающие в сумме ниспровержение буржуазии и победу социализма, которая далеко не сразу „очистится" от „мелкобуржуазных шлаков".[2])

„Первородный грех" тов. Сафарова и Муравейского заключается в том, что они рассматривают классовую борьбу в Семиречьи изолированно от всего процесса Октябрьской революции в стране. Поэтому они ви-

---

[1]) Ленин. Соч., т. XIX, изд. 3-е, стр. 269.

[2]) Там же.

дят сословную борьбу между эксплоататорскими верхушками там, где на деле объективно была классовая борьба против капитала, против „помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета". Поэтому они не замечают участия коренных масс трудящихся в Октябрьском перевороте и изображают эти массы как сплошную опору националистической контрреволюции. Между тем, классовая борьба в Семиречьи развертывалась в условиях победоносной Октябрьской революции. Объединенная и направленная пролетариатом, эта борьба становилась органической частью всего фронта борьбы за пролетарскую диктатуру. Только исходя из этой ленинской оценки, можно правильно и без извращений определить характер тех ошибок, которые были допущены в то время местной партийной организацией и советами.

Для понимания причин этих ошибок важно прежде всего остановиться на общем состоянии партийной организации. То обстоятельство, что в области была очень малочисленная рабочая прослойка, крайне ограничивало возможность быстрого и вместе с тем и здорового роста партийной организации за счет пролетарских элементов. Не располагали тогда семиреченские большевики и политически подготовленными партийными кадрами. Руководителя с дореволюционным стажем рабочего-партийца имела из уездных организаций только одна — пишпекская. Во главе ее, как передает в своих воспоминаниях тов. Трофимов, стоял член партии с дореволюционным стажем тов. Иваницын[1]). Верненская большевистская организация играла роль областного партийного центра. „К ней, — пишет Трофимов, — обращались остальные городские организации со всеми своими нуждами и сомнениями. Иногда они даже присылали свои протоколы для утверждения и поддержки их решений". Ядром верненских большевиков была группа товарищей, частью прошедших школу подпольной работы при белоказачьей диктатуре, частью вступивших в партию в дни переворота: Сергей Журавлев, Прокопий Гречко, Павлов, Казаков, Гаврил Темлянцев, Григорий Голованев, П. Виноградов, Василий Шорин, Георгий Трофимов, Василий Иванов, Александр Калинин, Ташен Утепов, Розыбакиев, Максудов Исмат, Мансуров Шакир и Юсуп Ахмедов.[2])

---

[1]) „Коммунист. мысль". № 3 1927 г., стр. 279.

[2]) Там же, стр. 280 и друг. Тов. Розыбакиев, характеризуя в своих воспоминаниях руководящий состав верненской большевистской организации того времени, особо останавливается на т. Виноградове П. М. и Трофимове Г. „Т. Виноградов, — пишет он, — работал председателем первого Алма-Атинского совдепа. Лично я его знал с 1914 года... В 1918—19 годах мне приходилось бок-о-бок работать с тов. Виноградовым по совдепу, вместе с ним объезжали уезд. Он был одним из лучших представителей советского руководства в те годы. Он первый подал свой протест против нарушений революционного порядка в отношении мирных аулов и кишлаков, подвергавшихся бесчинствам со стороны отдельных отрядов, засоренных кулачеством"...

... „Тов. Трофимов, — пишет далее Розыбакиев, — представлял собой тип профессионального революционера, партийного работника. Насколько я могу судить, он был душою алма-атинской партийной организации со дня основания ее до ликвидации фронтов гражданской войны в Семиречьи... Он был организатором постановки систематической пропаганды среди красногвардейцев и пользовался среди них большой популярностью. По его инициативе большинство алма-атинской парторганизации влилось в ряды местных красногвардейских частей, что значительно облегчило борьбу за вытеснение пробравшихся туда кулацких элементов. Тов. Трофимов был фактическим организатором неоднократных мобилизаций коммунистов на фронт и сам часто выезжал туда для организации политической работы. Он уделял большое внимание организации партийной работы, часто посылал нас для организации партийных ячеек в аулы, деревни и кишлаки. Тов. Трофимов был единственным из русских

Другие уездные организации, возникшие к этому времени, за исключением пишпекской, „были просто крестьянско-мещанскими группами, по-своему преданными советской власти, но без всякого представления о задачах партии“[1]).

Крайне низок был идейно-теоретический уровень также и членов верненской организации. „Наша партгруппа,— пишет Трофимов,— шла в потемках, ища направления чутьем. Из литературы мы имели лишь партпрограмму и несколько брошюрок: „Политический катехизис“, „Пауки и мухи“, „Революционные песни“ и несколько других“ [2]).

Показателем идейно-политического уровня семиреченской большевистской организации того времени является наличие в первые месяцы после переворота даже в верненской организации членов партии, считавших себя большевиками, но... не коммунистами. Воспоминания участников и сохранившиеся документы показывают, что в первое время таких „большевиков“ было в организации не мало. К ним причисляли себя наиболее неустойчивые и незрелые элементы, имевшие крайне смутное, а порою и извращенное понимание о программе и задачах партии. Не только в уездных городах, но даже и в Верном почти не было оформленных партийных ячеек. Как передает тов. Трофимов „в 1918 году в Алма-Ата большевики-профсоюзники и красноармейцы еще не выделялись в отдельные ячейки и состояли в общегородской организации, за исключением печатников, составлявших свою ячейку с первого декабря 1918 года—в 40 человек, и красноармейцев 2 конного эскадрона, организовавших ячейку 20 декабря 1918 года в 127 человек, под руководством тов. Федора Хлебутина“. Наряду с большевиками развернула здесь большую работу организация левых эсеров, которая в то время по всему Туркестану занимала положение второй правящей партии. Количественно лево-эсеровские организации значительно превосходили большевистские. В Верном лево-эсеровская организация насчитывала в первые месяцы после переворота 400 человек членов, в то время когда большевистская организация едва насчитывала в своих рядах 200 человек.[3]) Основным костяком левых эсеров являлось чиновничество, в особенности из переселенческого управления, имевшее известные связи среди крестьянских масс. Левые эсеры немало потрудились над тем, чтобы создать обстановку самой жестокой травли вокруг большевистской организации. Они разнуздали партизанщину, демагогически подыгрывались к ней, организовывали и вели национальную травлю.

коммунистов, который непосредственно интересовался и помогал в работе образовавшихся позже так называемых „секций мусульманских коммунистов“ при городской организации... Он был скромный, чуткий к товарищам, непримиримый к своей принципиальной линии и исключительной чистоты человек“. (Истпарт Казкрайкома ВКП(б). Материалы по истории Октября и гражданской войны в Семиречьи).

[1]) Там же, стр. 279.

[2]) „Коммунист. Мысль“. № 3, 1927 г., стр. 281.

[3]) „Вестник семиреченского трудового народа“. Гор. Верный. № 43 от 27-II—1919 г. „Эта партия (левых эсеров *Б.* и *Ш.*), — рассказывал на 3 краевом съезде компартии Туркестана представитель пишпекской организации,—состояла главным образом из... как их здесь называют „специалистов“, учителей, техников, подрядчиков, инженеров и присяжных. Эта партия противостояла нашей (большевистской *Б.* и *Ш.*) партии, партии рабочих и беднейших крестьян“. („Туркестанский Коммунист“. Ташкент. № 50 от 17 июня 1919 г.).

В таких условиях на первых порах работала верненская большевистская организация. Ее состав, та социальная база, на которой она выросла и оформилась, оторванность от центра и низкий идейно-политический уровень не могли не сказаться на всей ее работе того периода. Состоявшая в основном из товарищей, преданных партии и советской власти, верненская организация все же была заражена мелкобуржуазными иллюзиями и допустила ряд грубейших политических ошибок.

„Чутье“ в данном случае крепко подводило ее. Сохранившиеся материалы того периода показывают, насколько сильны были тогда в ее рядах эти иллюзии. Истасканный лозунг буржуазной демократии „свобода, равенство и братство“ — так и не сходил со страниц многих политических документов. Проявлялось подчас полное непонимание задач пролетарской диктатуры, роли и значения партийной организации и т. д. и т. п.

Со всей очевидностью это можно проследить на работе Военно-революционного комитета. Последний, возникнув в своеобразных условиях совершившегося здесь советского переворота, был неоднородным по своему составу. В него входили представители большевистской организации и областного совета крестьянских депутатов, — его революционное крыло. Наряду с ними входили представители организации левых эсеров, а также представители 2-го Семиреченского казачьего полка, — менее устойчивые в революционном отношении элементы и склонные придерживаться примиренческой позиции в отношении белоказаков.

Обстановка переворота и роль в нем 2-го Семиреченского полка обусловили значительное влияние этих примиренчески настроенных элементов на работу Военно-революционного комитета. Перед большевистской фракцией, которую верненская организация создала в Военно-революционном комитете, стояла первоочередная задача, — парализовать эти примиренческие элементы, объединить вокруг себя все, что есть революционного в составе ревкома, и повести решительную борьбу с разлагающим влиянием левых эсеров, значительно усиливших после переворота свою работу во 2-м Семиреченском полку. Большевистская организация, однако, эту задачу полностью разрешить не сумела и прежде всего потому, что она была сама заражена иллюзиями буржуазного демократизма. Результаты этого сказались с первых же дней после захвата власти в вопросе о конструировании органов пролетарской диктатуры.

Не понимая того, что революция не нуждается в „законной“ санкции, Военно-революционный комитет собирает 4 марта „объединенное заседание областных организаций“ и ставит перед ним вопрос не более и не менее, как... „о признании центральной власти и о создании в области таковой власти“. На это заседание было приглашено по четыре представителя от контрреволюционных организаций области. Здесь были представители от Войскового казачьего совета, от областного комитета партии Алаш, от „сартовского комитета Шура-исламия“, от татарского комитета Курултай, от так называемого дунганского комитета и от областной продовольственной управы. Весь вред демократических иллюзий сказался уже на этом заседании, которое приняло решение влить в Военно-революционный комитет по два представителя от буржуазных областных орга-

низаций. Созданный переворотом революционный орган власти оказался, таким образом, наполовину засоренным контрреволюционными элементами.[1])

Выступления отдельных представителей на этом заседании довольно отчетливо обнаруживали тот маневр, к которому прибегали тогда контрреволюционные организации области. Не будучи подготовленными в тот момент к открытому контрреволюционному выступлению, они использовали демократические иллюзии руководителей переворота. Они формально признают советскую власть, проводят в Военно-революционный комитет своих представителей, обеспечивая себе, таким образом, возможность легальной организации своих контрреволюционных сил и дезорганизаторской работы внутри советских органов. В этом можно убедиться хотя бы по тем довольно недвусмысленным заявлениям, которые были сделаны на заседании от 4 марта. Представитель Войскового казачьего совета заявил, что он признает советскую власть, но „казачество остается само по себе". Представитель „киргизского комитета Алаш" в своем выступлении согласился признать власть центрального Совета народных комиссаров в пределах программы „чистого" большевизма. И, наконец, представитель продовольственной управы продекламировал, что „продовольственные комитеты стоят вне всякой политики". Потребовалось определенное время, чтобы верненские большевики поняли этот маневр классового врага и отказались от своей игры в демократию.

Не сумела верненская большевистская организация на первых порах преодолеть иллюзии и насчет возможности мирным путем ликвидировать остатки белоказачьей диктатуры. Правильно начав с вооружения масс и формирования красногвардейских отрядов, Военно-революционный комитет, вместе с тем, не использовал до конца благоприятной обстановки первых дней переворота и окончательно не разгромил деморализованного противника. Об этом очень ярко свидетельствуют переговоры по прямому проводу между краевым Советом народных комиссаров (Ташкент) и Семиреченским Военно-революционным комитетом, имевшие место 5—7 марта 1918 года[2]).

Совет народных комиссаров настойчиво добивался в этих переговорах немедленного ареста Шкапского, Иванова и всех активных приверженцев свергнутого строя, создания революционного трибунала и прежде всего быстрейшей организации смелых и решительных действий в отношении всех и всяческих контрреволюционных элементов. „Организуйтесь сильнее,— требовал Совнарком, — на полумерах останавливаться нельзя. К конечной цели итти нужно быстро. Потребуйте немедленной выдачи оружия, помощи хлебом, причем требование свое поддерживайте оружием, дав знать идущим против вас казакам, что артиллерия наведена на их

---

[1]) Казархив, ф. Облисполкома за 1918 г., протоколы ВРК. И это несмотря на то, что красногвардейские части были настроены решительно против допущения представителей буржуазных организаций в Ревком. Так, в частности, 12 марта Ревкомом под нажимом представителей красногвардейских частей было принято постановление: 1) „Что комиссары должны быть избраны только из ядра Революционного комитета" и 2) „Дать им (представителям в ревком от областных организаций—*Б.* и *Ш.*) лишь право совещательного голоса" (Каз. ЦАУ, фонд № 13, опись №1, д. № 1, лист 20—21).

[2]) „Наша газета". № 44—45. Ташкент. 8-III и 9-III 1918 г.

станицы...Еще раз требуем не останавливаться на полпути. Нужно быстро итти к намеченной цели и не церемониться с мешающими вам лицами." Ташкенту с большими трудностями удавалось убеждать Военно-революционный комитет, что дело без вооруженной борьбы не обойдется. „Шкапский и Иванов,— передавал представитель Военно-революционного комитета в Ташкент,— по слухам, скрываются за спиной малостаничников. Военно-революционный комитет вопрос этот (речь идет об аресте комиссара Временного правительства — *Б.* и *Ш.*) не поднимал... Вообще же аресты можно будет начать после того, как мы дадим хлеб армии". 6 марта представитель Ревкома сообщал в Ташкент: „У нас хорошую организацию провести трудно, в виду того, что в городе чуть ли не голод. Нужно обращать внимание на то, чтобы не произошло голодного бунта. Приходится прежде подумать о продовольствии, но надеюсь, что все будет сделано как нужно, и те лица, которые подлежат аресту, от нас далеко не уйдут. Их выдадут сами казаки, так как между молодыми и старыми казаками посеяна рознь. Если же мы поспешим, то как бы не было хуже. Банки в наших руках. Штаб войск издал по войскам Семиреченской области приказ о присоединении к власти советов и об исключении офицерства. Начальствующие лица выбираются".[1])

Люди не понимали, что вопрос о хлебе нельзя будет разрешить без самой упорной и жестокой вооруженной борьбы с казачеством и кулачеством, которые сразу же после переворота блокировали Верный голодом. Неизбежность вооруженного столкновения с остатками белоказачьей диктатуры понимали красногвардейские части, сформированные из рабочих, революционно настроенных солдат-фронтовиков и городской бедноты. Красногвардейцы с самого начала буквально рвались в бой. Они, как передавал командующий советскими войсками Берсенев, в один голос заявляли: „Если вы не обезоружите казаков, то мы самочинно это начнем". Только с большим трудом удавалось удерживать их от самостоятельных выступлений.[2])

Не ограничиваясь одними переговорами и учитывая положение в Семиречьи, Туркестанский Совет народных комиссаров отдал 7 марта приказ „в Токмак и Пишпек немедленно выступить со всеми силами на помощь" Верному. Однако, испытывая на себе влияние примиренческих элементов, левых эсеров, не понимая неизбежности вооруженной борьбы, продолжая лелеять надежду на мирный исход событий, Военно-революционный комитет отказался вначале от предложенной ему вооруженной помощи и телеграфировал в Токмак о возврате высланного оттуда отряда. Вопреки прямым директивам Ташкента и настойчивым требованиям красногвардейских масс, Ревком придерживался выжидательной тактики. Этого утверждения не может поколебать и тот факт, что 7 марта постановлено было „послать казакам ультиматум от имени Военно-революционного комитета в 24-часовой срок сложить оружие"[3]). Наоборот, по тому, как Ревком подошел к выполнению этого постановления, можно судить, насколько сильны были иллюзии насчет миролюбия классового врага.

---

[1]) „Наша газета." № 45 от 9-III-1918 г.
[2]) Там же.
[3]) Там же.

Руководство операцией по разоружению казачества поручено было никому иному, как полковнику Ионову — войсковому атаману Семиреченского казачьего войска, усмирителю восстания 1916 года. Военно-революционный комитет был настолько уверен в том, что полковник Ионов добросовестно выполнит это поручение, что 7 марта в своем вечернем заседании даже вынес ему „горячую благодарность“, мотивируя тем, что этот войсковой атаман стоит „на страже интересов трудового казачества, оказывал большую услугу, чем предотвратил пролитие безвинной братской крови“.[1]) Как Ионов защищал интересы трудового казачества, показывает тот факт, что его очень скоро пришлось арестовать как контрреволюционера. Военно-революционный комитет не понимал, что, поручая таким людям, как Ионов, разоружение белогвардейских частей, он тем самым вооружает своими собственными руками контрреволюционеров. Имели место в то время и случаи, когда руководящие советские посты доверялись видным представителям свергнутой власти.

Демократические иллюзии сказались и на отношении Ревкома к печати, которая на первых порах широко использовалась классовым врагом для своей контрреволюционной пропаганды. В первые дни после переворота продолжала действовать, как пишет Трофимов, „пущенная в ход Шкапским государственная машина... Семиреченские областные ведомости еще печатали пасквили на большевиков,— выходили под фирмой Шкапского. Первый номер ведомостей без подписи Шкапского появился 6 марта 1918 года с объявлением о свержении власти Временного правительства в Джетысу“.[2]) В апреле месяце выходила в Верном газета „Еженедельник“ — орган семиреченского союза агрономов и кооператоров, в которой совершенно открыто велась антисоветская пропаганда. Не только в этих газетах, но и на страницах официального органа Военно-революционного комитета — „Заря свободы“ — нередко попадались явно контрреволюционные, черносотенные статьи. Партийные и советские организации только позднее, в середине мая, спохватились, что нельзя допускать, чтобы печать открыто использовалась классовым врагом, что нужно подчинить печать интересам революции. Характерно, что даже долгое время спустя отдельные активные участники переворота, и при том наиболее субъективно преданные партии, все же не понимали, что гражданская война была в Семиречьи неизбежной. Они склонны объяснить ее возникновение неумелым и нетактичным подходом советов к казачеству. Такой взгляд, в частности, высказывает в своих воспоминаниях и товарищ Виноградов. Постепенно в процессе борьбы, учась на своем опыте, советы Семиречья очищались и освобождались от иллюзий, от привнесенных в революционный процесс мелкобуржуазных шлаков.

Не сумела, наконец, большевистская организация на первых порах правильно претворить в жизнь ленинскую национальную политику, избежать ошибок и извращений линии нашей партии в национальном вопросе.

Чтобы укрепить диктатуру пролетариата в Семиречьи советам необходимо было прежде всего всей своей политикой на деле показать, что советская власть решительно борется с колониальным наследием царизма

[1]) „Заря свободы“. № 7 от 15-III—18 г.

[2]) „Коммунист. мысль“. № 3, 1927 г., стр 278.

и Временного правительства, сконцентрировать основное свое внимание на работе среди трудящихся масс коренных национальностей, всячески поднимая их революционную активность. Между тем, даже наиболее подготовленная руководящая часть верненской организации не понимала значения всего этого и смотрела на коренную трудящуюся массу в лучшем случае, как на инертную, неспособную, по крайней мере на том этапе, на революционные действия. Она недооценивала роль этих масс в совершившемся перевороте, забывала, что без активной помощи и сочувствия трудящихся коренных национальностей не удалось бы сковырнуть казачью диктатуру в Семиречьи.

Нужно сказать, что верненские большевики в этом отношении шли в основном по стопам краевого руководства туркестанской партийной организации, повторяя в несколько видоизмененном виде его великодержавнические ошибки в национальном вопросе.

Великодержавнический уклон в туркестанской партийной организации, как его характеризует тов. Сольц, заключался в противопоставлении русского рабочего местному коренному крестьянину. Это противопоставление обосновывалось на следующей „теории". „Советская власть — власть „настоящих" пролетариев, каковыми в Туркестане являются только русские. Мусульмане — торговцы и в лучшем случае дети, которых могут свести с пути истинного — опасные панисламисты..."[1])

В Семиречьи, при полном отсутствии промышленного пролетариата, нельзя было противопоставить русского рабочего коренному крестьянину. Но и здесь великодержавнический уклон, помимо всего прочего, выражался в игнорировании и умалении революционных возможностей трудящихся масс коренного населения. Яркой иллюстрацией этого могут служить некоторые места из воспоминаний тов. Трофимова, который являлся наиболее теоретически подготовленным работником верненской большевистской организации того периода.

Описывая советский переворот в области, тов. Трофимов спрашивает: „какое же отношение ко всем этим событиям имели широкие трудящиеся массы туземного населения?" И отвечает: „н и к а к о г о". Дальше он поясняет: „Переживая ужаснейшие последствия восстания 1916 года, удесятерившийся колонизаторский нажим, мертвящую нужду, голод и тифозные эпидемии, от которых вымирали целые киргизские аулы, туземная трудовая масса сохраняла строжайший нейтралитет в этой непонятной для нее тогда борьбе русских с русскими".[2]) „В условиях существующей действительности (национальное недоверие) о поднятии широких масс коренного населения на борьбу рядом с крестьянством против белогвардейских сил можно было лишь праздно мечтать.[3])" Больше того, когда алашордынцы совместно с белоказаками двинули свои отряды против Верного, то иные из членов местной организации склонны были контрреволюционную роль алашордынцев приписать всему казакскому населению. Не случайным поэтому является тот факт, что даже в конце апреля верненские большевики насчитывали в своих

---

1) Три года советской власти", Ташкент, 1920 г., стр. 50.
2) „Коммунист. мысль". № 3, 1927 г., стр. 277.
3) [illegible] № 3, 1927 г., стр. 282.

рядах, как передает тов. Трофимов, — только пять человек из коренных национальностей: Ташен-Утепов (рабочий), Абдулла Розыбакиев (учитель), Шакир Мансуров (рабочий), Исмат Максудов (рабочий) и Юнус Ахметов (декханин).[1] Не случайным поэтому является тот факт, что в руководящих советских органах Семиречья казакские трудящиеся массы почти совсем не были тогда представлены.

Между тем телеграмма тов. Сталина верненскому совету категорически требовала поднять массы коренного населения „до советской власти и их лучших представителей слить с последней".

Великодержавнически недооценивая революционные возможности трудящихся масс коренного населения, семиреченские большевики и местные советы тем самым отталкивались от той социальной среды, сочувствие и поддержка которой решили в конечном счете исход гражданской войны в Семиречьи.

Огромные политические ошибки были допущены партийной организацией Семиречья. Налицо был великодержавнический уклон. Тем не менее, остается глубоко неправ тов. Сафаров, когда он пытается смазать роль советов вообще и умалить значение славной героической борьбы трудящихся области за упрочение пролетарской диктатуры. Он остается глубоко неправ, когда пишет имея в виду тот период: „Таким образом в мусульманской среде складывалось то роковое настроение по отношению к советской власти, которое выражалось в краткой формуле: „скоро ли кончится русская слабодка"[2]).

Нет, такими настроениями жило байство, а не трудящиеся аула, которые возлагали свои надежды на Октябрьскую революцию, на советскую власть и в этом черпали силы для борбы против белоказачьей диктатуры, против контрреволюционной алашской автономии.

---

[1]) „Коммунист. мысль" № 3, 1927 г., стр. 280.
[2]) Сафаров. „Колониальная революция" стр. 82.

ПЕРВЫЕ ШАГИ СОВЕТОВ СЕМИРЕЧЬЯ

Перед советами Семиречья на следующий же день после захвата власти во весь рост встала задача борьбы с хозяйственной разрухой, к которой привели область колониальная политика царизма и Временного правительства, тяготы и последствия империалистической войны. Хозяйственный развал усугублялся белоказачьим террором и неистовством погромных кулацких банд.

При Временном правительстве под флагом „возмещения русскому населению убытков“ от восстания 1916 года шло повсеместное ограбление трудящихся аула. Положение коренного населения было настолько жутким, что его не в состоянии были не замечать даже некоторые отдельные представители колониальной администрации.

„В станице Подгорненской, — писал 29 января 1918 года джаркентский уездный начальник в своей секретной докладной записке на имя комиссара Временного правительства по Семиреченской области Шкапского, — я узнал, что Кольджатский участковый комитет под председательством Кольджатского участкового пристава Романова постановил собрать с киргиз несколько тысяч голов разного скота на возмещение убытков жителям станицы Подгорненской, станицы Джаланашской, выселка Чунджы, селения Петропавловского, Ново-Афонского и Спицевского. Первая партия собрана во время вашего пребывания в Джаркенте... Некоторые киргизские волости, как например, Сарытогойская окончательно разорены такими сборами, и большая часть киргизского населения осталась абсолютно без скота, а следовательно, и без средств к существованию... казаки взыскивают с киргиз голову за голову скота с той лишь разницей, что своих лошадей они ценили по 200—300 рублей (чингизской породы), а таких же киргизских — по 20—30 рублей, то же делается и в отношении крупного рогатого скота и овец.

...При осмотре киргизских волостей я нашел в них голод, тиф, ужасающую смертность, отсутствие юрт, одежды и проч. Трупы животных и людей, умерших от голода, валялись по всему пути от Каркары до Нарынкола и оттуда до урочища Чалке-Дысу и Кара-Сазы (общее расстояние верст 150). Все это разлагалось, заражало воздух и воду и вызывало новые массовые заболевания и новую смертность... Особенно часты нарекания на Пржевальских крестьян, которые ездят в Джаркентский уезд за солью и по пути грабят встречных киргиз, а иногда появляются в киргизские волости со специальной целью пограбить. Они

вооружены и грабежи им удаются легко и остаются безнаказанными".[1])

Временное правительство держало в русских селах вооруженные отряды для того, чтобы обеспечить полную безнаказанность и свободу действия погромным кулацким бандам. Крепко охранялась в то время и граница с Китаем с целью помешать возвращению оттуда беженцев.

Грабежи и разбои, чинимые кулачеством, сочетались с пышно расцветавшей родовой борьбой и барантой, которые организовывали байство и манапство и при помощи которых они забирали у трудящихся последние остатки имущества. Особенно это положение сказалось к концу 17 года и в начале 18 г., после оренбургского „общеказакского" съезда алашордынцев, когда на аул обрушивались в огромных размерах дополнительные налоги и поборы.

Согласно решению этого съезда, семиреченские алашордынцы приступили к формированию своих вооруженных отрядов. Предполагалось на первых порах мобилизовать по области 2000 джигитов.

Содержание алашских отрядов ложилось непосильной тяжестью на казакское население. Аулы принуждались к обеспечению мобилизованных лошадьми, обязаны были полностью за свой счет экипировать их, поставлять отрядам продукты, скот, перевозочные средства.

Много средств требовалось также для содержания довольно значительного аппарата партии „алаш" и для проводимой алашордынцами контрреволюционной работы. Для покрытия всех этих расходов Оренбургский съезд обложил казакское население области суммой в 15 980 000 рублей. Был установлен дополнительный 100-рублевый покибиточный налог. На цели контрреволюционной работы алашордынцами расходовались даже те жалкие крохи, которые были отпущены Временным правительством на оказание помощи голодающим.

Сформированные в области алашские отряды не ограничивали круг своей деятельности одним взиманием „узаконенных" налогов и поборов. Они в не меньшей степени, чем кулацкие банды, прибегали к насилиям и грабежам, забирая последний скарб у казакского трудящегося. Алашский террор получил особенно широкий размах в начале 1918 года, когда в область вернулся лидер Кокандской автономии и Алаш-орды Тынышпаев.

Хозяйственный развал области прежде всего выразился в значительном сокращении посевных площадей и в почти повсеместном недороде. В Джаркентском уезде при общей годовой потребности населения в хлебе в 1 800 000—1 900 000 пудов валовой урожай 1917 г. составил 450 000 пудов.[2]) В Копальском уезде недобор хлебов выразился в 1917 г., в сравнении со средним сбором предыдущих лет, в 2 млн. пудов. Цены на хлеб почти повсеместно доходили до 50—65 руб. за пуд и больше.[3]) Испытывала область острый товарный голод. Нехватало предметов первейшей необходимости. К тому же „полное расстройство гужевого транспорта, отразилось самым гибельным образом на деле снабжения населения чаем, саха-

---

[1]) Казархив; ф. К. Вр. прав. Семир. обл., д. № 1152, л. 78—83.
[2]) „Заря свободы", № 33 от 16/IV 1918 г.
[3]) „Заря свободы", № 40 от 28/IV 1918 г.

ром, мануфактурой, керосином, железом и другими предметами первой необходимости".[1])

В этих условиях процветала спекуляция, взвинчивались цены, стали исчезать из обращения денежные знаки. Эксплоататорская верхушка села и станицы, располагавшая значительными запасами хлеба, жирела на народной нужде и страданиях.

На почве голода развились в области эпидемические болезни и прежде всего цынга и тиф. Кое-где показались признаки эпидемии холеры.[2]) „Киргизы, — передавал представитель зачуйских участков Пишпекского уезда,—были похожи на ходячие скелеты, голод заставлял продавать свои юрты и оставаться без крова и все же без пищи, голод заставлял есть собак, сусликов, крыс и лягушек", „Во многих местах уезда валялись трупы умерших киргиз и было потрачено много труда для их уборки".[3])

Не лучше, если не хуже, было положение и той части трудящихся аула, которая бежала в Китай после разгрома восстания 1916 года. Комиссия, посланная туда Военно-революционным комитетом сразу же после переворота сообщала: „скот, который киргизам удалось привести в китайские пределы, вследствие отсутствия корма здесь и перечисленных выше лишений в пути — пал почти полностью, если что и осталось у них ко времени приезда командированной комиссии, так это очень и очень незначительное количество баранов и верблюдов, как более выносливых и мало-требовательных животных. Чтобы поддержать свое жалкое и безотрадное существование они стали продавать самое необходимое из своего домашнего обихода: кошмы, казаны, чайники, седла, уздечки и проч. Дороговизна на предметы первой необходимости поставила всю эту киргизскую массу... перед лицом голодной смерти; среди них стали появляться на почве недоедания эпидемии сыпного тифа, цынга и проч... Девочки и мальчики свыше 7 лет продавались как русско-и китайско-подданным, так и самим китайцам, в том числе и должностным лицам из числа местной администрации по 30—40 рублей".[4])

Под давлением царских консульств провинциальное правительство Западного Китая потребовало от Военно-революционного комитета в первые же дни установления в области советской власти немедленного вывода из Китая беженцев. Этим преследовалась задача еще более затруднить положение советов и увеличить армию голодных в Семиречьи.

Таково общее состояние области, которое застали советы на следующий день после переворота. „Повсюду царило зло, хаос, грабежи, убийства, самосуд, кражи, спекуляции, мародерство и пр. Особенно от этого страдало киргизское население". Так охарактеризовал тогдашнее положение комиссар юстиции на первом уездном съезде советов Пишпека. [5])

Эту оценку, нисколько не греша против действительности, можно распространить на всю область. Повсюду развал, повсюду разгул кулацко-байского террора и сотни тысяч голодающих среди казакских и киргиз-

---

[1]) „Заря свободы", № 80 от 18/VI 1918 г. Из доклада обл. продуправы.

[2]) „Сов. Туркестан", Ташкент, № 5 от 16 июля 1918 г.

[3]) Каз. архив; ф. Семир. облисполк. за 1918 г.

[4]) „Вестник семиреченск. труд. народа" от 9 июля 1918 г.

[5]) Каз. арх; ф. Пишпекского исполкома за 1918 г.

ских масс. Классовый враг великолепно учитывал обстановку и на победу советов ответил попыткой задушить революцию костлявой рукой голода.

Старожильческие села и казачьи станицы полностью прекратили подвоз хлеба в город и прежде всего в красный Верный. 13 марта 1918 года Военно-революционный комитет, заслушав доклад представителя верненской городской продовольственной управы, констатировал: „запас хлеба вышел, с завтрашнего дня населению города производить выдачу втечение двух дней не представляется возможным“.[1])

Уездный комиссар Копальского уезда телеграфировал 21 марта: „Город Копал и его район голодает, богатые хлебом селения его не дают, в уезде люди мрут от голода“.[2])

Просила „обявить уезд голодным“ пишпекская уездная продовольственная управа.[3])

Не отставало от кулачества и байство; оно усугубляло общий хозяйственный и продовольственный кризис в области тем, что немедленно после переворота организовало массовый угон сохранившегося скота в Китай. Этим окончательно разрушалась хозяйственная основа аула.

Со стороны советов Семиречья требовалось огромное напряжение сил, мобилизация творческой инициативы широких трудящихся масс для ликвидации колониального наследия и восстановления вконец расстроенного хозяйства области. Нужно было спасти казакские и киргизские массы от физического вымирания, помочь этим народным массам „освободиться от пережитков феодально-патриахального ига“, „на деле упразднить, а не на словах только, все и всякие привиллегии колонизаторских элементов“ — „дать народным массам вкусить от материальных благ революции“. Нужно было объединить усилия коренных трудящихся масс с усилиями трудовых масс местного русского населения в борьбе за освобождение от кулачества вообще, хищнического великорусского кулачества в особенности. Нужно было всеми силами и всеми средствами помочь казакским и киргизским трудящимся массам „сбросить с плеч кулаков-колонизаторов и обеспечить им, таким образом, пригодные земли, необходимые для человеческого существования“.[4])

В своей апрельской телеграмме тов. Сталин указал местным советам и партийной организации, какими путями они могут добиться осуществления этих решающих задач. „Необходимы, — писал тов. Сталин, — специальные способы вовлечения трудящихся и эксплоатируемых масс этих окраин в процесс революционного развития, необходимо поднять массы до советской власти, а их лучших представителей слить с последней. Но это невозможно без автономии этих окраин, т. е. без организации местной школы, местного суда, местной администрации, местных органов власти, местных общественно-политических и просветительных учреждений с гарантией полноты прав местного языка во всех сферах общественно-политической работы“.[5])

---

[1]) „Заря свободы“. № 9 от 19/III 1918 г.

[2]) „Заря свободы“. № 39 от 27-IV 1918 г.

[3]) „Заря свободы“. № 33 от 16-IV 1918 г.

[4]) И. Сталин. „Марксизм и национально-колониалный вопрос“. Изд. 1934 г., стр. 61 и 71.

[5]) „Заря свободы“ от 14 апреля 1918 г.

В свете этих сталинских указаний важно прежде всего остановитьсв на том, как местная партийная организация понимала тогда стоящие перед ней задачи советского строительства и вокруг каких вопросов она концентрировала свое внимание и свои силы.

„Вспоминая, как работала, чем жила наша партгруппа в 1918 г.,— пишет т. Трофимов о работе верненских большевиков, — нужно остановиться на следующих основных задачах, занимающих все наши силы, время и внимание.

1. С марта по июнь 1918 года эта работа состояла в непосредственном участии в военной борьбе, в боях с белыми в самом Алма-Атинском уезде, в организационной работе по созданию, укреплению и дисциплинированию партгруппы, участии в создании и дисциплинировании первых красноармейских частей и соворганов.

2. Агитационно-пропагандистская работа, борьба с демагогами и кулацкими представителями власти за влияние на вооруженные массы — партизанские отряды и гарнизон.

3. *Завоевание доверия революционной массы и укрепление военной и политической мощи области. Борьба за крестьянство с эсерами*" (курсив наш *Б. и Ш.*) [1]).

Не останавливаясь сейчас на первых двух вопросах (это мы сделаем ниже), отметим здесь, что партийная организация, развернув борьбу „за крестьянство с эсерами", правильно учитывала значение крестьянства в революции, правильно понимала, что „пролетариат не может удержать власть без сочувствия и поддержки, средних слоев, и прежде всего крестьянства" [2]).

Беда партийной организации состояла в том, что она эту свою правильную установку — привлечь трудящиеся крестьянские массы на сторону советов — ограничила и сузила в основном рамками только трудящихся масс русского крестьянского населения, не распространив ее в сколько нибудь ощутительной степени на аул. В этом сказался уклон к великодержавному шовинизму, недооценка революционных возможностей трудящихся масс коренного населения. Результатом этого явилась и не могла не явиться задержка дела интернационального сплочения трудящихся и объединения их усилий в борьбе за освобождение от кулачества вообще, хищнического великорусского кулачества в особенности.

Тем не менее, нужно сказать, имея в виду всю тогдашнюю обстановку в области, что местные советы своими практическими мероприятиями разорвали господствовавшие здесь цепи национального угнетения и дали возможность трудящимся аула, хотя и в далеко недостаточной мере, „вкусить от материальных благ революции". Это обусловливалось самой природой Октябрьской революции, которая „одним ударом разорвала цепи национального угнетения" [3]).

В ходе переворота восставшими массами был сломлен местный колониальный аппарат национального и социального угнетения и порабощения. Этим расчищена была почва для действительной борьбы с коло-

---

1) „Коммунист. мысль" № 3 за 1927 г., стр. 280—281.

2) И. Сталин. „Марксизм и национально-колониальный вопрос". Изд. 1934 г., стр. 140.

3) И. Сталин. „Марксизм и национально-колониальный вопрос". Изд. 1934 г., стр. 105.

циальным наследием, для действительного поднятия казакских трудящихся до советской власти. Конечно, и здесь надо иметь в виду наличие, даже среди наиболее активных революционных элементов, мелкобуржуазных, демократических иллюзий и националистических предрассудков, которые мешали последовательному осуществлению лозунгов нашей партии на этом участке классовой борьбы. Достаточного большевистского понимания задач советского строительства, специфики этого строительства в условиях отсталой национальной окраины, местные революционные кадры, как мы уже указывали выше, не проявили. Тем не менее, под влиянием Октябрьской революции, под непосредственным руководящим воздействием нашей партии и, наконец, в результате опыта своей собственной борьбы, партийные организации и советы Семиречья постепенно преодолевали свои ошибки и в ряде случаев поднимались на высоту доподлинного пролетарского интернационализма.

„Правительство народных комиссаров,— писал назавтра после переворота ревком в своем воззвании об организации „социалистической армии",— ставит на место прежней постоянной армии всеобщее вооружение народа, защищающего те формы социального и политического общества, которые единственно обеспечивают полноту власти советов, полновластие народа. Факт господства буржуазии в государствах Западной Европы и еще не ликвидированной войны накладывает на советскую власть обязанность быть готовой в любой момент вооруженной рукой не только отстаивать принципы возвещенного революцией демократического мира, но, в случае необходимости, вмешиваться и активно содействовать возможному в ближайшем будущем в Западной Европе восстанию пролетарских масс под лозунгом социалистической революции".[1])

Мы имеем здесь дело с фактом проявления интернационализма, а не с пустой фразой, об этом говорит и то, что в основу формирования красных частей положен был классовый принцип, что с первых же дней после переворота, хотя в крайне недостаточном размере, были вовлечены в ряды организуемых отрядов трудящиеся коренного населения. Один из участников Октябрьского переворота в Верном тов. Ибрагимов рассказывает, что и те отряды, которые формировались в ночь со 2 на 3 марта, и те красногвардейские части, которые сорганизованы были вскоре после этого, имели в своем составе значительное количество казаков, уйгуров и татар. В частности, больше других частей были насыщены казаками конная разведка, караульная команда и 1-й социалистический полк. Среди казаков, добровольно вступивших в ряды Красной гвардии, главным образом, преобладала, как передает тов. Алипбаев, аульная беднота, которая после установления советской власти стала массами стекаться в Верный.

В процессе ломки старого аппарата был сокрушен и такой оплот колонизации, как переселенческое управление; последнее было упразднено постановлением ревкома от 22 марта 1918 г.[2])

Чтобы усилить рабочее ядро и обеспечить пролетарское руководство в органах пролетарской диктатуры партийная организация сейчас же

---

[1]) Истпарт Казкрайкома. Материалы по истории Октября в Семиречьи.

[2]) Казархив. ф. Семиреч. облисполкома за 1918 г.

после переворота развернула работу по созданию профсоюзов и восстановлению разогнанных при комиссаре Временного правительства в конце 1917 г. Советов рабочих и солдатских депутатов.

К 15 марта 1918 года в Верном были организованы 15 профсоюзов и восстановлен местный Совет рабочих и солдатских депутатов. На первых порах в руководстве профорганизаций и совета оказались меньшевистско-эсеровские элементы. Созванное большевистской организацией 15 марта собрание представителей профсоюзов высказалось довольно недвусмысленно против советской власти. Обсуждая вопрос о платформе Совета рабочих депутатов, собрание заявляет, что оно стоит „за демократические выборы на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования".[1]) Потребовалась большая работа со стороны верненских большевиков, чтобы изнутри завоевать профсоюзы и освободить их руководство, а равно и совет от меньшевистских элементов. Созванное 24 марта 1918 г. собрание представителей профсоюзов показало в этом отношении значительный перелом. В начале апреля руководство в решающих профсоюзах и в совете было уже в руках большевиков.

Касаясь первого периода пролетарской диктатуры, Ленин на XI съезде партии говорил: „у нас была полоса, когда декреты служили формой пропаганды. Над нами смеялись, говорили, что большевики не понимают, что их декретов не исполняют; вся белогвардейская пресса полна насмешек на этот счет, но эта полоса была законной, когда большевики взяли власть и сказали рядовому крестьянину, рядовому рабочему: „вот как нам хотелось бы, чтобы государство управлялось, вот декрет, попробуйте. Простому рабочему и крестьянину мы свои представления о политике сразу давали в форме декретов".[2])

Полоса, когда декреты служили формой пропаганды, была характрнате и для первого этапа работы семиреченских советов. В дополнение к декретам центра местные советы издавали также свои декреты. К сожалению, не все они сохранились. В декретах, и наказах, местных советов которыми мы располагаем, наряду с глубоко ошибочными местами, навеянными левыми эсерами, анархистами и другими чуждыми течениями, встречаем, правда, порой не совсем грамотно сформулированные лозунги и положения нашей партии. В наказе депутатам Верненского совета местные большевики писали: „наша революция должна принести народу полное освобождение, наемному рабству должен быть положен конец. Господство хозяев нашей жизни: фабрикантов, заводчиков, помещиков, банкиров, домовладельцев должно быть уничтожено... Земля, дома, леса, рудники, места для рыбной ловли, фабрики, заводы, денежный капитал, все орудия производства как в городе, так и в деревне должно быть отобрано у незаконных владельцев, крупных частных собственников и взято в руки нашими народными избранниками. Депутат, не защищающий в совете этот наказ, не исполняет воли пославшего его и должен быть немедленно отозван".[3])

Мотивы интернациональной солидарности и понимания органической связи событий в Семиречьи со всем ходом Октябрьской революции нахо-

---

[1]) „Заря свободы" № 17 от 28/III 1918 г.
[2]) Ленин. Сочинения, т. XXVII, изд. 3, стр. 255.
[3]) „Заря свободы" № 34 от 17 апреля 1918.

дят свое выражение в ряде партийных и советских документов того периода. В этом отношении следует особо выделить обращение к населению, опубликованное в апреле месяце 1918 года. Это обращение указывало на то, что „все декреты центральной советской власти подлежат точному и неуклонному и немедленному исполнению их на местах по учреждениям", что „нежелающие подчиниться декретам вполне и по совести объявляются врагами народа и состоят вне закона".[1]) Чтобы понять значение этого обращения необходимо иметь в виду широко развернувшуюся здесь после переворота работу верхов казачества и алашордынцев по отторжению Семиречья от Советской России и присоединению его к контрреволюционному Калединскому „Юго-восточному союзу".

Борьба местных советов за выполнение декретов центральной советской власти выражала собой борьбу за сохранение Семиречья в системе пролетарской диктатуры, и следовательно, за полное социальное и национальное освобождение трудящихся всех национальностей области.

Наряду с работой по слому колониального аппарата, советы Семиречья, как только завоевали власть, развернули борьбу против свирепствовавших в области белоказачьих и кулацких банд, терроризовавших трудящиеся массы аула. Советы принимали меры, хотя далеко и далеко недостаточные, к установлению правильных взаимоотношений между русским и коренным населением области. Уже 7 марта 1918 года оглашена была на заседании Военно-революционного комитета телеграмма из Питера „относительно гонения на киргиз Семиреченской области в связи с восстанием их в 1916 году с просьбой сообщить, какие меры в этом вопросе принимались и будут приниматься советом в дальнейшем для предотвращения этого конфликта".[2]) На этом заседании было принято решение: „широко оповестить чисто трудовое туземное население Семиреченской области в самом широком смысле, что власть в руках трудового народа, и что впредь не будет такого угнетения, которое было до сего времени, что трудовой народ без различия наций должен слиться в одно ядро и итти рука об руку". Телеграмма из Петрограда побудила Военно-революционный комитет обратиться с рядом воззваний к населению, в которых возвещалось, что советы будут вести беспощадную борьбу „с хулиганством, насилием, кражами, разбоями, грабежами"; трудящиеся призывались помочь выловить „всех контрреволюционеров, хулиганов, мародеров и проч. провокаторов".[3])

В Верном и уездах были организованы комиссариаты „по урегулированию русско-туземных отношений". Предложено было всем местным ревкомам принять „самые решительные меры к установлению добрых отношений между русскими и туземным населением".[4]) 25 марта „комиссар по урегулированию русско-туземных отношений" приказом по области предложил „всем сельским, волостным и уездным комиссарам" объявить гражданам вверенных селений, что „всякий, вносящий в это переходное тяжелое время разлад и смуту, считается врагом трудового

---

[1]) „Заря свободы". № 35 от 28 апреля 1918 г.

[2]) „Заря свободы" № 5 от 13 марта 1918 г.

[3]) Там же.

[4]) Казархив. Протоколы Джаркентск. ВРК за 1918 г.

народа" и будет строго караться Военно-революционным трибуналом.[1]) В развитие приведенных выше директив разослана была 11 апреля по области специальная инструкция „по улаживанию и урегулированию русско-туземных отношений". Вот полный текст этой инструкции:

„1. Принять все зависящие меры к прекращению гонения и мести по отношению одной нации к другой.

2. Объединить все трудовые массы всех наций в одно целое и отделить их от тунеядцев, живущих чужим трудом, так как в настоящий момент, момент социальной интернациональной революции, нет места вражды на почве национальности, а есть только два противоположных лагеря: т. е. трудящиеся, взявшие в настоящее время полноту власти в свои руки и не трудящиеся, но живущие чужим трудом и всячески пытающиеся помешать проведению новых социалистических идей, желая повернуть все по-старому.

3. Принять самые энергичные меры к сохранению жизни на почве голода и повальных болезней вплоть до беспощадной реквизиции излишков хлеба и скота как у русского населения, так и у киргиз скотопромышленников.

4. Сделать все возможное для того, чтобы дать киргизам посеять самим для себя весной сего года и, в случае в том необходимости, реквизировать у русского населения излишки сельскохозяйственного инвентаря.

5. Ко времени осенних посевов сорганизовать всех беднейших киргиз в коммунистические общества, дабы при наименьшей наличности инвентаря обслужить наибольшее количество семей.

6. Организовать местную власть в киргизских аулах из среды тружеников, пользующихся доверием бедноты.

7. Самыми строгими мерами бороться со всякими взятками и обложениями кибиток, являющихся не по распоряжению народных комиссаров.

8. Следить и содействовать, чтобы поступающие товары через продовольственные организации распределялись справедливо между киргизами.

9. В дальнейшем руководствоваться приказами, распоряжениями и декретами народных комиссаров".[2])

Приведенная инструкция показывает всю беспочвенность „теории" тт. Сафарова, Муравейского и др., пытающихся представить партийную организацию и советы Семиречья того этапа, как классовые организации кулачества, изобразить их борьбу, как борьбу за монопольное право эксплоатации казакских трудящихся масс.

Правда, и это необходимо резко подчеркнуть, эта инструкция очень далеко от того, чтобы поставить во весь рост основные, решающие задачи ленинской национальной политики нашей партии, чтобы заострить вопрос о ликвидации великодержавнических привиллегий и об обеспечении за казакскими и киргизскими трудящимися пригодных земель, необходимых для человеческого существования. Она, кроме того, дает такую левацкую установку, как „ко времени осенних посевов сорганизовать всех беднейших киргиз в коммунистические общества".

---

[1]) „Заря свободы". № 15 от 25 марта 1918 г.

[2]) Казархив; ф. Семиреченского облисполкома 1918 г.

При всем этом было бы нелепо отрицать, что предлагаемые инструкцией мероприятия означали огромную помощь казакским и киргизским массам, означали реальный значительный, шаг по пути советизации аула. В этих мероприятиях казакские и киргизские массы конкретно почувствовали те материальные блага, которые несет с собой Октябрьская революция. И далеко не случайно, что казаки — участники переворота, с которыми нам приходилось беседовать, живо помнят каждый даже малейший акт помощи, несмотря на то, что с того времени прошло больше 15 лет. Впервые в своей истории казакские и киргизские массы встретились тогда с государственной властью, которая несет им не ужасы эксплоатации и гнета, а реальную помощь и освобождение.

Из многочисленных фактов реальной помощи казакским массам приведем ряд фактов, бросающих свет на тогдашнюю работу советов. Во второй половине марта 1918 года было подано командующему советскими войсками Семиреченской области заявление „киргиз Пржевальского уезда Бакагинской, Турткемеренской и Кунгей-Аксуйской волостей". Трудящиеся этих волостей изгнаны были при Временном правительстве из Пржевальского уезда в Чилийскую волость Джаркентского уезда.

„Комиссары бывшего Временного правительства и бывшей местной власти,— писали они в своем заявлении,— вместо того, чтобы уладить наши отношения с крестьянством Пржевальского уезда, водворили нас в Джаркентском и Верненском уездах... Русские казаки Джаланашской станицы... принялись совершать разбои и грабежи жалких остатков нашего имущества... вследствие чего... мы дошли до того, что никто из нас не только не гарантирован от голодной смерти, а каждому из нас таковая неизбежна". Обращаясь за помощью к советской власти, они просили: „1. Принять меры к оказанию нам немедленной продовольственной помощи. 2. К ограждению нас от насилий и грабежей. 3. К водворению нас на свои земли. 4. К обеспечению семенами".[1])

В ответ на это заявление был 27 марта отправлен на место прежнего жительства выселенцев уполномоченный Военно-революционного комитета тов. Бекимов, который организовал там советскую власть и принял меры „по урегулированию русско-туземных отношений, по устройству киргиз-беженцев и открытию питательных пунктов".[2])

Вот другой факт. „Прошение представителей возвратившихся киргиз из Китая Сарыбагишевской, Турткемеренской и Кунгей-Аксуйской волостей", в котором последние просили водворить их „на прежние места жительства в Пржевальский уезд" и оказать им продовольственную и семенную помощь.[3]) Напомним обстоятельства этого дела. Трудящиеся массы коренного населения подлежали, согласно постановления известного „совещания о выселении киргиз" от 16 октября 1916 года, проведенного под председательством генерал-губернатора Куропаткина, к полному изгнанию из пределов Пржевальского и значительной части Пишпекского и Джаркентского уездов. Под флагом невозможности, якобы, близкого „сожительства русских с киргизами" проводилась эта политика со всей

---

[1]) Казархив; ф. Семиреченского облисполкома за 1918 г.
[2]) Там же.
[3]) „Заря свободы". № 22 от 3-IV 1918 г.

свирепостью и в период Временного правительства при комиссарстве алашордынца Тынышпаева. Причем, если недопущение беженцев из Китая на старые места их жительства и изгнание казакских трудящихся, оставшихся в своих аулах после восстания, формально объявлялось как временная мера, то вопрос о возврате повстанцев 1916 года Сарыбагишевской и Атыкенской волостей, оказавших наиболее упорное сопротивление царским палачам, исключался полностью и открыто: „Возвращение этих (Сарыбагишевских и Атыкенских *Б.* и *Ш.*) киргизов,— писал Тынышпаев 22 июня 1917 года русскому консулу в Кульдже,— в ближайшее время нежелательно, так как русское население... считает их главными виновниками прошлогоднего мятежа. Возвращение же их в прежние места Сарыбагишевскую и Атыкенскую волости считаем во всяком случае невозможным".[1])

Против сарыбагишевцев и атыкенцев развернута была необузданная, звериная, погромная травля. Чтобы сделать действительно „невозможным" их возвращение на старые места жительства, начали усиленно заселять их земли русскими поселенцами. В этих условиях решение, принятое советской властью от 31 марта, о водворении сарыбагишевцев на их старые места жительства имело исключительное значение. Оно говорило казакским и киргизским массам, что советская власть ликвидирует последствия 1916 года не на словах, а на деле.

Вскоре после переворота была послана Военно-революционным комитетом специальная комиссия в Китай „для оказания помощи киргизам и вывоза беженцев"[2].) Чтобы разместить возвращенцев из Китая на своих старых местах отправлены были в Пржевальский уезд в марте месяце делегаты Военно-революционного комитета с отрядом техников „для урегулирования земельного вопроса".[3]) Несколько позднее, в целях предупреждения и пресечения насилий и самовольных захватов земли у коренного населения, было предложено еще раз всем уездным комиссарам, а также „всем должностным лицам уездной, городской и сельской администрации принять самые строгие меры против всех тех, которые поселились в селениях, покинутых туземцами во время последних событий с казаками, грабят оставшихся в таких селах жителей, выгоняют из жилищ, нередко убивая их".[4]) Факты свидетельствуют, что борьбу с белоказачьим и кулацким террором развернули не только областные органы, но и местные советы.

24 марта 1918 года Джаркентский Военно-революционный комитет „в виду участившихся случаев насилий, грабежей и убийств со стороны русских" в Заилийской части уезда избрал комиссию в составе двух казаков (русских), двух крестьян и четырех мусульман под председательством представителя ревкома Джаксымбетова; комиссии поручено было немедленно выехать в Заилийскую часть уезда, „заезжать по пути следования во все населенные пункты, ознакомиться с настроением населения и установившимися отношениями между русскими и киргизами", выявить виновников насилий, грабежей и убийств, „принять меры к

---

[1]) Казархив; ф. Комис. времен. прав. Семиреченской обл. 1917 г., д. № 1529, л. 6.
[2]) „Заря свободы" № 71 от 6 июня 1918 г.
[3]) Казархив: ф. Семир. Облисполкома 1918 г.
[4]) Казархив; там же.

доставке их в распоряжение комитета" и, наконец, „в зависимости от отношения населения к беспорядкам, выяснить какой отряд был бы достаточен для подавления беспорядков".[1]) Такие комиссии посланы были Джаркентским Военно-революционным комитетом по всему уезду. 28 апреля 1918 года Военно-революционный комитет Джаркентского уезда, заслушав сообщение „об ограблении киргиз Тугульбековской волости крестьянами Пржевальского уезда" послал „на станцию Кегень 10 человек из Красной гвардии, из которых 3 солдат, 3 казаков и 4 татар". Этим же постановлением Военно-революционный комитет послал к границе Пржевальского уезда специальный отряд во главе с „комиссаром по урегулированию русско-киргизских отношений".[2]) В Пишпекском уезде благодаря решительным мерам партийной организации и уездного исполкома удалось в основном прекратить кулацкий террор в сравнительно быстрый срок. Здесь были выделены специальные красногвардейские отряды, которые находились в распоряжении комиссара юстиции и под его руководством совершали ряд выездов на места.

В целях борьбы с самовольными захватами земель Пишпекский исполком 10 апреля 1918 года вынес постановление о выселении из „В. Иссыгатинской волости крестьян селения Ново-Дмитриевского", забравших клеверники аулов В. Иссыгатинской волости.[3]) Огромного напряжения потребовала борьба с кулацким террором в Пржевальском уезде. Но и там, несмотря на крайнюю остроту межнациональных отношений, советам удалось обуздать озверевшее кулачье.

Размер и глубина продовольственного кризиса, задача снабжения вооруженных сил революции и оказания помощи городской бедноте и голодающим массам коренного населения до крайности заострили перед советами Семиречья вопрос о борьбе за хлеб. В тогдашней революционной обстановке это был решающий вопрос. Добыть хлеб можно было в первую голову лишь ценой жестокой войны со спекулянтами, кулачеством, которые придерживали его в огромном количестве. Выше мы указывали, какие ошибки были допущены советами области на этом участке, какие иллюзии имелись насчет миролюбия казачества и кулачества, насчет возможности получения хлеба без нажима, без упорнейшей классовой борьбы. Жизнь безжалостно разрушала эти иллюзии и выветривала их из головы руководителей переворота. Уже 14 марта начала работать в Верном специальная комиссия „по реквизиции предметов первой необходимости и разных товаров".[4]) К тому же времени относится и обязательное постановление для „всех торговцев города Верного" в трехдневный срок „выставить всю имеющуюся у них мануфактуру и другие предметы первой необходимости на полки и сообщить о товарах, имеющихся у них в складах областному продовольственному комиссару". При этом предупреждалось, что „не исполнившие этот декрет будут привлечены к суровой ответственности революционным судом, а товар и имущество будет конфисковано безвозмездно в пользу трудового народа".[5])

---

[1]) Казархив; ф. Джаркентского ревкома 1918 г.
[2]) Там же.
[3]) Казархив; д. Пишпекского исполкома за 1918 г.
[4]) Казархив; д. Верненского совдепа за 1918 г.
[5]) „Заря свободы" № 9 от 19 марта 1918 г.

Аналогичные меры борьбы со спекуляцией принимались и в других городах области. В конце марта 1918 года был сделан также нажим на эксплоататорские элементы станиц и сел в целях получения хлеба. Позднее, в мае-июне, когда вооруженная борьба советов с белоказачеством приняла широкий размах, этот нажим значительно усилился. Массовый угон скота в Китай и спекуляция им на рынке побудила Военно-революционный комитет в конце марта предписать „всем скотопромышленникам и скупщикам скота предъявить скот ближайшим продовольственным комитетам или сельским комиссарам для принятия его на учет до распоряжения областного продовольственного комитета". „Реквизиции,— говорится дальше в постановлении,— подлежат как крупный рогатый, так и мелкий скот (бараны) у скотопромышленников и лиц, скупающих скот с целью перепродажи (спекулянты). Владельцы скота, уклоняющиеся от реквизиции или оказавшие сопротивление реквизиционной комиссии, а также лица, содействующие скрытию ими скота, привлекаются к суду революционного трибунала. Расходы, вызванные противодействием скотовладельцев, возмещаются на их счет из сумм, предназначенных к уплате за реквизированный скот".[1])

Через несколько дней комиссия по борьбе со спекуляцией и мародерством конфисковала „на скотском базаре у всех, занимающихся перекупкой и спекуляцией, лошадей и разного рода скот, а также хомуты, телеги, брички и т. п."[2]) С целью мобилизации вокруг задач оказания помощи голодающим широких трудящихся масс, ревком обратился с рядом воззваний к населению. Но дело не ограничилось одними только воззваниями. Советы Семиречья развернули на местах в аулах и наиболее нуждающихся русских поселениях сеть бесплатных государственных питательных пунктов, для содержания которых производилась реквизиция хлеба у русского кулачества и скота у байских элементов. В самом Верном, как об этом свидетельствуют воспоминания казаков, участников переворота, систематически выдавался хлебный паек городской бедноте и голодающим из аулов, которые массами туда стекались.

В борьбе с массовой беспризорностью аульных детей организован был ряд детских домов, забота о которых не ослабевала даже в наиболее трудные для советов моменты гражданской войны.

В первые же месяцы установления советской власти началась борьба с эпидемическими болезнями, в частности со свирепствовавшим тогда в области тифом.

Все эти мероприятия, в особенности дело оказания продовольственной помощи голодающим массам коренного населения, наталкивались на отъявленный саботаж в самом советском аппарате со стороны эсеровских и великодержавнических элементов. Чтобы сломить этот саботаж были в ряде мест распущены продовольственные управы (Пишпек и др.) и приняты меры к укреплению аппарата народного комиссариата по продовольствию.

---

1) „Заря свободы" № 20 от 31 марта 1918 г.
2) „Заря свободы" № 33 от 16 апреля 1918 г.

Задачи преодоления хозяйственной разрухи и продовольственного кризиса требовали от местных партийных организаций и советов принятия самых решительных мер для успешного проведения весеннего сева 1918 года. Трудности на этом пути были огромны. Нехватало семян, сельхозинвентаря и рабочего тягла. Наличный рабочий скот в бедняцких и середняцких хозяйствах был до крайности истощен. Особенно тяжело, как мы уже не раз указывали, было положение в ауле. По всем селам, станицам и аулам велась бешеная контрреволюционная агитация за срыв посевной, распускались всевозможные провокационные слухи, чтобы вселить в трудящихся неуверенность в завтрашнем дне, чтобы убить всякий стимул к производительному труду.

28 марта верненская партийная организация обратилась „к крестьянам хлеборобам и всем трудящимся“ с воззванием, в котором писалось: „сейте хлеб, хлеборобы, не оставляйте незасеянных полей. Кто не сеет, тот враг себе и своей семье и всему народу, не допускайте, чтобы у нас воцарился вместо свободы и довольствия самодержец-голод. Не верьте тем, кто грязнит нас (большевиков *Б.* и *Ш.*), будто мы пришли грабить и делить, будто бы вам сеять, а кто-то другой будет собирать ваш урожай. Не верьте им, — это наши общие враги, желающие посеять рознь между нами, чтобы в удобный момент воспользоваться нашей слабостью, чтобы бросить ярмо рабства на шею всем трудящимся... Кто честно трудится, тот нам друг и мы защищаем его труд“...[1]) 7 апреля 1918 года общее собрание верненской большевистской организации постановило „передать комиссару земледелия для опубликования следующее постановление партии“: „население Семиреченской области мрет беспощадной голодной смертью и помочь этому невозможно. Чтобы избежать этого ужасного явления в следующем году, средство спасения одно: всякая по размеру площадь, годная для посева хлеба и овощей, должна быть засеяна. Поясняем, что всякая по размеру площадь посева принадлежит только хозяину посева. Всякая же по размеру площадь посева, оставшаяся нетронутой до 20 апреля н. с., подлежит конфискации в пользу нуждающихся в земле“.[2]) Этими своими выступлениями партийная организация наносила удары по кулацкому саботажу и очищала политическую атмосферу от контрреволюционной провокации.

Развернута была советами работа по обеспечению бедняцких, и особенно голодающих, хозяйств посевным материалом. В одном только Казанско-Богородском селении выдано было „нуждающимся сельским и городским обществам на продовольствие и обсеменение“ 11 500 п. зерна.[3])

Для снабжения трудящихся аула инвентарем и тягловой силой местами проводилась реквизиция кулацких и байских хозяйств. 11 апреля 1918 года комиссар по урегулированию русско-туземных отношений предложил местным советам обеспечить нуждающиеся казакские хозяйства рабочим скотом „путем реквизиции и конфискации скота у состоятельных киргиз и, таким образом, дать возможность бедным киргизам хотя сколько-нибудь выйти из критического положения“.[4])

---

1) „Заря свободы“. № 17 от 28-III 1918 г.
2) „Заря свободы“. № 29 от 11-IV 1918 г.
3) „Заря свободы“. № 40.
4) Каз. архив; ф. Сов. нар. ком. Семир. обл. за 1918 г.

В соответствии с этим Пржевальский уездный совет постановил частично реквизировать байский скот, оставив „на семью от пяти до десяти душ — 6 лошадей, 5 коров, 20 баранов, 4 быка, 2 верблюда. До четырех душ — 6 лошадей, 3 коровы, 10 баранов, 2 быка и 1 верблюда, а конфискованный у байства скот раздать киргизской бедноте на группы с таким расчетом, чтобы каждая группа могла бы производить посев".[1])

Местами по инициативе советских органов производились специальные посевы, урожай которых предназначался для оказания помощи голодающим. Так, только по Токмакскому и Зачуйскому участкам Пишпекского уезда засеяно было для этой цели в 1918 году 400 десятин проса и кукурузы.

Перечисленные нами мероприятия советов Семиречья со всей очевидностью подтверждают, что „инструкция по улажению русско-туземных отношений" не оставалась пустым звуком и бумажной декларацией. Она, хотя и крайне медленно, претворялась в жизнь и внедрялась в практику работы советских органов, не взирая на все трудности и тяготы гражданской войны. Положение трудящихся аула постепенно облегчалось, они возвращались к производительному труду. И нет никакого прикрашивания в заявлении делегатов трудящихся Нарынского участка 1-му областному совещанию советов (25 мая 1918 года) о том, что „бедным киргизам стало немного лучше, когда после организации Красной армии и советской власти в участке лишний скот манапов стал отбираться для бедного киргизского населения".[2])

Для полной характеристики советов Семиречья того этапа необходимо еще остановиться на работе, проделанной ими в части национализации капиталистической собственности. Прежде всего были национализированы банки и приостановлена выдача вкладов из них; ограничено было также право выемки вкладов из сберегательных касс.[3]) Вслед за национализацией банков приступлено было в Верном к обложению контрибуцией капиталистов. 19 марта был опубликован соответствующий декрет.[4]) Такое же единовременное принудительное обложение капиталистов проведено было по всем уездам области, очищенным от белогвардейского господства. 29 марта Джаркентский ревком постановил произвести конфискацию в размере 15 процентов „у тех капиталистов, у коих капитал выражается в сумме 50000 руб. и свыше". „В случае же невнесения налога в установленный срок или же неподчинения, — предупреждал ревком, — имущество конфискуется, а виновные заключаются в тюрьму".[5]) 31 марта Джаркентский ревком в дополнение к своему первому постановлению от 29 марта решил произвести конфискацию 10 проц. у всех капиталистов, капиталы которых превышают 20 000 руб.

Одновременно с принудительным обложением капиталистов был национализирован ряд предприятий и все помещения, имеющие общественное значение. Вскоре после переворота были национализированы: суконная фабрика Шахворостова, спиртоводочные заводы и шерстомойки.

---

[1]) Каз. архив; ф. Семиреченск. облисполкома за 1918 г.
[2]) Там же.
[3]) „Заря свободы". № 8 от 18-III 1918 г.
[4]) „Заря свободы". № 9 от 19-III 1918 г.
[5]) Каз. архив; ф. Джаркентск. рев. ком. за 1918 г.

3 марта 1918 года было вынесено постановление о том, что расположенное на территории города Верного здание общественного собрания „считать народным достоянием и передать его в ведение комиссариата труда“.[1]) 19 марта 1918 года были национализированы типографии так называемого „Областного киргизского комитета“ и Областного правления, а немного позднее — здание Духовной консистории.[2])

Национализации подверглись также частные больницы. В мае Семиреченский облисполком выделил комиссию „для составления проекта декрета по области по реквизиции домов и предприятий, как народное достояние“.[3]) Позднее были организованы конфискационные комиссии при каждом уездном комиссариате народного хозяйства. Примерно к этому времени были национализированы все предприятия торгового дома „Никиты Пугасова и С-я“ в городе Верном и его окрестностях, в том числе и кожевенные производства, а руководство этими предприятиями перешло „в ведение ответственного комитета, утвержденного областным комиссариатом труда и промышленности из числа служащих и рабочих торгового дома“.[4]) В Пишпеке были национализированы типография „Прогресс“, „Водочные и пивоваренные заводы Иванова и Ерещенко“ и „Молочная ферма Иванова“.[5])

Среди декретов о национализации капиталистической собственности нужно особо выделить декрет от 11 мая 1918 г., который гласил: „все участки, находящиеся в Семиреченской области, взятые предпринимателями у переселенческого управления и киргизских обществ в долгосрочную аренду, немедленно переходят в распоряжение земельно-водных комитетов, а до организации оных в распоряжение местных уездных совдепов. Арендные договора с предпринимателями с сего числа аннулируются согласно декрета Центрального рабоче-крестьянского правительства: имущества же, живой и мертвый инвентарь национализируются в пользу Российской Федеративной Социалистической Республики и немедленно переходят в распоряжение и под контроль земельно-водных уездного и областного совдепа: объявить служащим на этих участках, чтобы они своего места не оставляли и распоряжениям хозяев не подчинялись, участки и все имущество — живой и мертвый инвентарь, находящийся на этих участках — хранить как общественное достояние до приема и проверки его назначенными совдепами на сей предмет особыми комиссиями“.[6])

Таким образом, ликвидировались полукрепостнические латифундии, которые особенно сильно насаждались в области царским правительством накануне и в годы империалистической войны и которые строились на крови и эксплоатации казакских и киргизских трудящихся масс.

Советами Семиречья проводилась также национализация наиболее крупных домовладений и принимались меры к защите интересов неимущих квартиронанимателей. В такой защите особенно нуждались прибыв-

---

[1]) „Заря свободы“. № 22 от 3-IV 1918 г.
[2]) Каз. архив; ф. Сов. нар. ком. Семир. обл. за 1918 г.
[3]) Там же.
[4]) „Советский Туркестан“. № 3 от 19-VI 1918 г.
[5]) Каз. архив; ф. Пишпекск. совдепа за 1918 г.
[6]) Каз. архив; ф. Семиреченск. облисполкома, д. № 3, штаб войск области.

4

шие с фронта демобилизованные солдаты и нахлынувшая в город из аула казакская беднота. Прибегая к найму квартир, они подвергались неудержимой эксплоатации со стороны домовладельцев и вынуждены были платить высокую квартирную плату. В конце апреля Верненский совет обязал всех домовладельцев „не стеснять и не выдворять из своих домов находящихся в них квартирантов".[1]) К тому же времени относится и решение партийной организации о том, что „всякий квартиронаниматель должен вносить следуемую с него за помещение ежемесячную квартирную плату в местное советское учреждение хозяйственной части".[2])

Таковы в общих чертах те мероприятия, которые проводили советы Семиречья в первые месяцы после переворота.

Имея в виду период гражданской войны, тов. Сафаров в своем выступлении на 12 съезде партии говорил, что в Туркестане, а следовательно, и в Семиречьи имело место „автоматическое продолжение старых колониальных отношений под советской вывеской и советской фирмой".[3])

Здесь нужно подчеркнуть, что точка зрения тов. Сафарова о том, что Туркестан, включая и Семиречье, в первые годы после Октябрьской революции оставался в системе пролетарской диктатуры на положении колонии, целиком совпадает с теми позициями, которые защищали тогда национал-уклонистские элементы в нашей партийной организации. В частности, если взять выступление Ходжанова на 4 национальном совещании ЦК РКП(б) (1923 г.), то оно давало такую же оценку положения вещей в наших Средне-азиатских советских республиках. Тов. Сталин на этом совещании с предельной ясностью и четкостью вскрыл ошибочность и извращенный характер такого рода высказываний и ту классовую подоплеку, которая за этими высказываниями скрывается. Тов. Сталин подчеркнул, что „Нынешний советский Туркестан в корне отличается от Туркестана царского", что те, которые считают, „что между Туркестаном нынешним и Туркестаном царским нет никакой разницы, что только вывеска изменилась, что Туркестан остался таким же, каким был при царе", по существу скатываются на позиции басмачества, на позиции националистической контрреволюции и злостно клевещут на нашу партию и на всю систему пролетарской диктатуры.[4])

Мы рассмотрели только три месяца работы и борьбы советов в Семиречьи, причем месяцы трудные, когда советы только организовывались, когда область представляла собой вооруженный лагерь, когда повсюду свирепствовали контрреволюционные заговоры, разруха, голод, болезни и смерть. И стоит только сопоставить работу советов Семиречья в этих условиях и за такой короткий период времени с результатами деятельности Временного правительства и алашордынцев на протяжении 1917 г., с деятельностью контрреволюционного правительства „Алаш-Орда" на протяжении 1918—1919 года, чтобы воочию убедиться, что советское Семиречье в корне отличалось от царского Семиречья, что Октябрьская революция здесь выразилась не в смене вывески, а установ-

---

1) „Заря свободы". № 42 от 1-V 1918 г.
2) „Заря свободы". № 32 от 14-IV 1918 г.
3) Сборник „Марксизм и нац. вопрос". Изд. 1923 г., стр. 419.
4) И. Сталин. „Марксизм и национально-колониальный вопрос". Изд. 1934 г., стр. 133.

лением в области пролетарской диктатуры и освобождением Семиречья от колониального рабства.

Алашордынцы вместе с колониальной администрацией подавляли восстание 1916 года, способствовали сгону казакских и киргизских трудящихся с их земли, разгулу белоказачьего и кулацкого террора. Советы Семиречья, несмотря на все свои ошибки, обуздывали озверевшее кулачье, водворяли казакских и киргизских трудящихся на их прежние места жительства и делали первые, хотя и очень робкие, шаги по пути советизации аула. Алашордынцы обрушились на аул поборами, налогами, насильственными мобилизациями, карательными экспедициями, усилением средневековых форм эксплоатации и кабалы. Советы пришли в аул с продовольственной помощью, с призывом к производительному труду, с первыми попытками помочь восстановить разрушенное хозяйство; советы в те месяцы наносили своими мероприятиями чувствительные удары по кулацко-байской эксплоатации коренных масс трудящихся, крепили интернациональную солидарность трудящихся области.

РАЗГРОМ БЕЛОКАЗАЧЬЕГО МЯТЕЖА

Оправившись несколько от удара, нанесенного переворотом, войсковой совет Семиреченского казачьего войска развернул лихорадочную работу по перегруппировке и организации своих контрреволюционных сил. Способствовала этому нерешительность Военно-революционного комитета в борьбе с контрреволюционными элементами области, а также и то обстоятельство, что и после победы советов в Верном в отдельных частях Семиречья осколки белоказачьей диктатуры продолжали удерживать в своих руках власть. Располагая широко разветвленной и крепко слаженной организацией, войсковому совету удалось незадолго до переворота вывезти в станицы значительную часть наиболее ценного оружейного имущества, сначала из пишпекского, а потом и из верненского артиллерийских складов.[1] После переворота они сумели уберечь свои основные кадры. Больше того, в Алма-Атинских станицах на окраине Верного были организованы казачьи сотни, которые формально вели переговоры с Ревкомом и соглашались на сдачу оружия, а фактически прятали трехлинейные винтовки и готовились к открытому выступлению.

Опираясь на эти силы, войсковой совет, как передает в своих воспоминаниях т. Сизухин, „разослал верных себе казаков — агентов — по станицам: Талгар, Иссык, Каскелен, Тастак и другим агитировать за свержение Военно-революционного комитета и красной гвардии".

В станице Копальской был организован „боевой комитет" для формирования белогвардейских отрядов. В северных районах, оставшихся и после переворота почти целиком во власти белых, было мобилизовано под ружье буквально все мужское казачье население станиц. Там, при непосредственной помощи средствами и вооружением царского консульства и английской военной миссии, находившихся в Кульдже, было организовано несколько казачьих полков. К этому времени областной комитет партии „Алаш" и другие областные буржуазные мусульманские организации сумели организовать и вооружить свои отряды, которые целиком входили в состав казачьих белогвардейских сил и подчинялись общему руководству.

Для непосредственного руководства военными действиями против советов имелись два штаба, из которых один находился в Мало-Алма-Атинской станице, а другой в станице Талгар.

---

[1]) „Наша газета". № 44 от 8-III-1918 г.

В конце марта собрался в Талгаре так называемый съезд пяти южных станиц, который разработал план организации контрреволюционного вооруженного восстания.

Установка верхов казачества и других контрреволюционных элементов области была в то время, как мы уже указывали выше, на отторжение Семиречья от Советской России и присоединение его к калединскому контрреволюционному „Юго-восточному союзу". Довольно недвусмысленно съезд потребовал, чтобы Семиреченская область была объявлена „автономной демократической республикой" и вошла „в союз с другими автономными республиками России".[1])

Такую же контрреволюционную политику, только под несколько иным флагом — под флагом алашской автономии, проводили и алашордынцы. Лозунги областной и национальной автономии использовались белоказачьими и алашскими элементами, как флаг для прикрытия своих контрреволюционных замыслов, как способ удержания под своим влиянием отсталых слоев трудящихся.

Для обмана масс и доверчивых политиков из Военно-революционного комитета, белогвардейские элементы свою контрреволюционную работу прикрывали заверениями в преданности советской власти; „казачество никаких выступлений против советской власти не делает и делать не будет" — писал в своем обращении к населению „съезд пяти южных станиц", съезд, подготовивший вооруженное контрреволюционное выступление.

„Областной совет Алаш от имени уполномочившего его киргизского народа с радостью принял братски протянутую руку и обязался всеми мерами поддерживать советскую власть и внедрить в киргизском народе идеи большевизма..."[2]) — так декларировал областной совет партии „Алаш" в своем воззвании „к киргизскому народу", помещенному в газете „Заря свободы" 23 марта 1918 года. И эти строки писались в то время, когда со страниц алашских газет, издававшихся на казакском языке, развертывалась бешеная антисоветская пропаганда, когда формировались вооруженные отряды для борьбы с советами.

Политическая маскировка классового врага несомненно сыграла свою роль и ослабила революционную бдительность части членов Военно-революционного комитета и без того склонной к примиренчеству. Между тем, положение в области становилось все более напряженным. До крайности обострился продовольственный кризис. Необходимо было развернуть посевные работы. В связи со всем этим Военно-революционный комитет вынужден был усилить нажим на казачьи станицы.

Исполняя директивы Ташкента и испытывая на себе давление масс, Военно-революционный комитет арестовал в конце марта оставшихся в Верном и находившихся до этого на свободе наиболее видных политических деятелей и руководящих работников областного административного аппарата Временного правительства. Несколько раньше, а именно 16 марта в Верный был доставлен Шкапский, арестованный 7-го марта при следующих обстоятельствах. Он в первые дни переворота бежал из

---

[1]) Каз. архив; ф. Семиреченского облисполкома, д. Ревтрибунала за 1918 г.

[2]) „Заря свободы". № 13 от 23-III-1918 г.

Верного и пробирался в Китай, но по дороге его узнали крестьяне селения Купластовского, Михайловской волости, задержали по своей собственной инициативе, привезли в село Михайловское и передали в руки советских органов.[1])

В середине марта стало известно, что находившийся в Джаркенте 6-ой Оренбургский казачий полк двинулся на Верный. Полк этот в своей массе был подвержен демобилизационным настроениям, его представители заверяли Военно-революционный комитет, „что полк вполне признает советскую власть и всеми силами будет ее поддерживать". Однако, существовала определенная угроза, что контрреволюционные элементы полка по приходе в Верный присоединятся к войсковому совету и попытаются совместно с его вооруженными силами свергнуть советскую власть. Военно-революционный комитет на своем заседании от 20 марта сначала постановил разоружить полк „по приходе в город Верный",[2]) но затем изменил это постановление и решил прибегнуть к более действительным мерам: навстречу возвращавшемуся полку в Илийск была послана делегация, которая добилась разоружения полка до его прихода в город. В конце марта взаимоотношения между Военно-революционным комитетом и войсковым советом крайне обострились и дело клонилось к открытой вооруженной борьбе. Поводом для обострения послужило следующее обстоятельство: войсковой совет делегировал в состав Военно-революционного комитета в качестве своих представителей войскового атамана, полковника Ивонова, и председателя войскового круга подъесаула Маслова. Если в первое время эти делегаты свою контрреволюционную деятельность кое-как маскировали, то впоследствии подрывной характер их работы стал настолько очевиден, что Военно-революционный комитет решил их арестовать. Их арест был произведен в те дни, когда в Талгаре собрался упомянутый выше съезд казачьих станиц. Последний в категорической форме потребовал освобождения арестованных. Военно-революционный комитет это требование отклонил. Тогда съезд заявил, что „казачество ввиду нарушения Военно-революционным комитетом принципа неприкосновенности личности делегата не будет посылать новых делегатов и устроит свою жизнь особо".[3])

В ответ на это заявление Военно-революционный комитет на своем заседании от 30 марта постановил ликвидировать войсковой совет Семиреченского казачьего войска и еще раз предложить казачеству сдать оружие. 31 марта Военно-революционный комитет в ответ на постановление Мало-Алма-Атинского станичного схода о том, что советская власть „должна быть избрана на демократических началах"—предложил последнему—„впредь до организации совдепа"—подчиняться Военно-революционному комитету—и особой власти „не создавать".[4])

При тогдашней ситуации в области Военно-революционный комитет мог бы добиться выполнения принятых им решений лишь в результате упорной вооруженной борьбы с белоказачеством. Однако, для этого у него

---

1) „Заря свободы". № 9 от 19-III 1918 г.
2) „Заря свободы". № 20 от 31-III 1918 г.
3) Каз. архив. Прот. Военно-революционного комитета от 30-III 1918 г.
4) „Заря свободы". № 22 от 3-IV 1918 г.

не хватило решимости, и дело ограничилось и на сей раз лишь одними угрозами по адресу верхов казачества. Перелом в политике советов Семиречья происходит только к середине апреля, после приезда из Ташкента представителя крайкома партии (большевиков) тов. Н. Д. Луценко.[1])

Прежде всего, согласно директивам крайкома, была проведена чистка или, как тогда семиреченские товарищи ее называли, реорганизация партийной организации. Из всех бывших до чистки в Верненской организации 200 человек остались всего 85 товарищей.[2]). „В комитет реорганизованной группы,— пишет в своих воспоминаниях тов. Трофимов,— вошли Виноградов Павел — председатель, Журавлев Сергей — товарищ председателя, Трофимов Георгий — член и секретарь, Луценко Николай, Телмянцов Гавриил, Розыбакиев, Максудов и Маречек—члены“.[3])

К этому времени укрепилась и руководящая роль большевистской организации в советах. Ведя активную работу среди красногвардейских частей, развертывая борьбу против эсеров, против чуждых элементов, засорявших аппарат, верненские большевики значительно усилили свое влияние среди рабочих и городской бедноты. Это позволило им поставить вопрос о ликвидации Военно-революционного комитета, имевшего в своем составе, как мы видели выше, известную часть случайных элементов, о создании вместо него нового областного органа пролетарской диктатуры, с тем чтобы создать таким путем более устойчивый в революционном отношении орган власти.

14 апреля Военно-революционный комитет сложил свои полномочия и передал власть исполнительному комитету, избранному на объединенном заседании Верненского совета рабочих и солдатских депутатов совместно с представителями бывшего крестьянского совета, профессиональных союзов и гарнизонного комитета.

В первый исполком вошли тт. Виноградов (председатель), Иванов, Журавлев, Баширов, Утепов, Павлов, Гиббо, Щукин, Иванов, А., Егоров, Маречек, Воробьев, Гречко, Снегирев, Рощин и кандидатами Кучин и Куличенко.[4])

В составе исполнительного комитета преобладали большевики. Председателем его был тов. Виноградов, который одновременно являлся тогда и председателем верненской партийной организации. Наряду с большевиками входили в исполком представители левых эсеров. И хотя Исполнительный комитет вел более решительную политику, чем его предшественник Военно-революционный комитет, однако, неоднородность его состава, наличие в его среде представителей левых эсеров сказались во всей его деятельности и, в первую голову, в организации вооруженной борьбы с белоказачеством. Разлагающая работа левых эсеров дала себя со всей силой почувствовать уже в первом после переворота крупном вооруженном выступлении советов,— в так называемом походе на Талгар.

В своих воспоминаниях тов. Трофимов правильно подчеркивает, что верненские большевики много сил и внимания уделяли после установления власти советов делу организации и дисциплинирования пер-

---

[1]) „Заря свободы“. № 32 от 14/IV-1918 г.
[2]) „Вестник семиреч. трудового народа“. № 43 от 27/II-1919 г.
[3]) „Коммунист. мысль.“ № 3 за 1927 г., стр. 280.
[4]) Каз. архив; ф. Семиреченск. облисполкома за 1918 г.

вых красногвардейских частей. На этом участке они добились определенных успехов; они пользовались безраздельным влиянием в гарнизонном и полковом комитетах и имели крепкую опору в красногвардейских частях. При всем этом они не сумели сосредоточить в своих руках общее руководство всеми красными вооруженными силами. Командующим местными советскими войсками был левый эсер Береснев, командиром крепостного гарнизона был левый эсер, бывший офицер Щукин. Следовательно, положение было такое, что, при наличии сильного большевистского влияния среди красногвардейской массы, высшее командование оставалось в руках левых эсеров.

Результатом этого было кроме всего прочего то, что военное командование действовало самостийно, без ведома и согласия руководящих советских органов. Наиболее крупным из таких самостийных действий был поход на Талгар, инициаторами и организаторами которого являлись Береснев и Щукин.

Нужно сказать, что этот поход с самого начала был обречен на неудачу, ибо обстоятельства и соотношение вооруженных сил требовали от советов открыть прежде всего военные действия против Мало-Алма-Атинской казачьей станицы, непосредственно примыкающей к Верному. Здесь численность белоказачьих отрядов достигла тогда значительных размеров. К тому времени подоспел сюда и оставивший Персию 1-й Семиреченский казачий полк, настроенный в своей подавляющей массе контрреволюционно. Хотя этот полк вернулся в Верный обезоруженным, однако, войсковому совету, располагавшему значительными запасами оружия, не нужно было много времени, чтобы быстро его превратить в боевую единицу. В этих условиях было совершенно ясно, что нельзя двинуть из Верного крупные красногвардейские силы на Талгар, не обеспечив свой тыл и не разбив предварительно находившийся почти в самом городе Мало-Алма-Атинский белоказачий вооруженный кулак. Поход на Талгар при такой обстановке объективно ничего иного не мог означать, кроме подведения под удар красного Верного и помощи войсковому совету в осуществлении его контрреволюционных замыслов. Такая оценка похода в той или иной форме разделялась тогда многими красногвардейцами. Вот свидетельство одного из участников похода тов. Горбатенко. В своих воспоминаниях он пишет: „15 апреля 1918 года прибежал в казарму командир крепостного гарнизона Щукин, выстроил отряд и заявил: „Мы сегодня в 8 часов вечера выступаем по распоряжению Береснева на Талгар“. Мы задали ему вопрос: „Знает ли про это выступление гарнизонный совет“. „Я не признаю гарнизонного совета. Для меня существует Береснев, никаких отлагательств, никаких разговоров. Кто отказывается — тому пуля в лоб“ — раздраженно ответил Щукин. Мы запротестовали, стали доказывать, что при существующем положении необходимо предварительно обезоружить Малую станицу, так как в Малой станице стоят I и III полки, эти части контрреволюционно настроены и, если их предварительно не разоружить, они обязательно ударят нам в тыл. В таких условиях нашему отряду грозит неминуемая гибель“.

Несмотря на все эти возражения и протесты, больше того, несмотря на несогласие облисполкома, отряд выступил в поход на Талгар

ночью 15 апреля. При его отправке не были приняты необходимые предосторожности. Казачество Алма-Атинских станиц поголовно знало о целях и задачах двигавшегося отряда. Узнали об этом быстро и талгарцы. Оставшиеся в крепости красногвардейцы заметили 16 апреля утром, что в Мало-Алма-Атинской станице идут усиленные военные приготовления. Они сообщили об этом Бересневу и просили разрешить открыть огонь по станице. Крепкий удар парализовал бы активность врага. Однако, никаких мер не было предпринято, Береснев запретил открыть огонь по станице.

Подобную же тактику проводил и Щукин. При отправке отряда он отдал приказ, как рассказывает т. Горбатенко, „лишних патронов, а также лопаток и кирок не брать...“ „...На рассвете отряд подошел к Талгару. Остановился на расстоянии двух километров от него. Место выбрали — самый бугор. Батарея поставлена была, по распоряжению Щукина, на нарочито видном месте, на кургане. Встав на позицию, отряд выслал в станицу своего представителя с ультимативным требованием о сдаче оружия втечение двух часов“. „Атаман обещал выполнить требование отряда, но просил обождать, пока он соберет для этой цели сход“.

Тем временем шла подготовка белоказачьих сил. Подняты были на ноги все контрреволюционные элементы ближайших станиц и сел. На помощь талгарцам двинулись белоказачьи отряды из Алма-Атинских станиц и из Иссыка. Пока Щукин выжидал результатов „талгарского схода“ красногвардейский отряд был окружен со всех сторон — с тыла белоказаками Алма-Атинских станиц, а с фронта белоказачьими отрядами из Талгара и Иссыка. Первыми удрали с позиции Щукин и его заместитель Бреусов. Окруженный со всех сторон, оставленный своими командирами отряд был разбит наголову и за исключением 20—30 человек изрезан озверевшими белоказаками, „причем орудия, пулеметы и винтовки, оставленные без всякого прикрытия, попали в руки казаков“. [1])

Победа под Талгаром окрылила надежды белогвардейцев и послужила сигналом к общему контрреволюционному мятежу против советов. Поднялись все ближайшие к Верному белоказачьи станицы. К вечеру 16 апреля началась осада города, которая застигла советские органы совершенно неподготовленными. Запасы хлеба имелись тогда только на 1-2 дня. К тому же алашордынцы, чтобы создать дополнительные трудности для советов и увеличить армию голодающих в осажденном Верном сознательно спровоцировали массовые откочевки в город из ближайших аулов. Жители города начали в первые же дни осады испытывать острый недостаток в питьевой воде, так как белоказачьи отряды отвели воду от главного Алма-Атинского арыка.

Осада принесла с собою реальную угрозу срыва весеннего сева. Следует иметь в виду, что в Верном значительная часть населения занималась хлебопашеством. Контрреволюционные элементы всячески пытались создать среди населения такое мнение, что за возможный срыв посевной отвечают большевики, отвечают советы, что они являются виновниками всех бед, постигших город. Эта кулацкая агитация вызвала колебания и шатания среди отдельных прослоек трудящихся.

---

1) С. Хлынбвский. „Семиреченский фронт“. „Военная мысль“, книга 1, сент. 1920 г., изд. Туркфронта.

В самом советском аппарате в огромной степени усилились саботаж и другие виды подрывной работы. Бывшие чиновники колониального аппарата, офицеры, всякого рода отбросы царской администрации, пробравшиеся в советские учреждения и питавшие глубочайшую ненависть к пролетарской диктатуре, мечтавшие о восстановлении своего потерянного привиллегированного положения, всеми доступными им средствами мешали обороне города и дезорганизовывали работу советов. Центром притяжения для всех этих враждебных элементов являлась организация левых эсеров, которая предоставляла им широкие возможности для проявления своей контрреволюционной активности.

Шире развернули свою работу сохранившиеся в Верном буржуазные организации. В дни осады начала издаваться газета „Еженедельник"— орган „Семиреченского союза агрономов и кооператоров по сельскому хозяйству". Прикрываясь флагом беспартийности, газета в передовой второго номера писала: „почему же жизнь граждан Российской Федеративной Советской Республики временами делается более бесправной, чем это было при царизме, почему вышло так, что у нас вместо свободного слова, существует только слово угроз, почему нет права свободной печати". „Не погубили ли мы власть народную, свергнув власть царя... пора, давно пора переменить штык на орало".[1])

В общем контрреволюционном хоре особо выделялись голоса алашордынцев. Они применили свои формы и лозунги агитации. Прикрываясь нейтральностью, пытаясь изобразить гражданскую войну как борьбу „русских с русскими", они в своем обращении к казакскому населению писали: „вам, конечно, по слухам известно, что в Верном в настоящее время сражаются с одной стороны казаки, а с другой—граждане и советские войска. К вам, киргизам, мы, как ваши представители и избранники, обращаемся с покорной просьбой отнестись к данному событию совершенно спокойно, занимайтесь своими делами, ни на какие увещания с чьей бы то стороны ни было — не соблазняйтесь"...[2])

Этот алашский призыв к нейтральности преследовал цель — удержать казакских трудящихся от революционных выступлений и изолировать их от той борьбы, которую вели советы.

Характерно и другое воззвание, которое в дни осады выпустили алашордынцы. На сей раз их призыв был обращен к „старшим русским братьям". В подхалимском тоне они взывали: „старшие братья русские, крестьяне, мещане и казаки... Сознаете ли вы, чью кровь проливаете и за что вы проливаете, что называется, братскую кровь. Если вы не сознаете, то мы, ваши младшие братья киргизы, скажем вам прямо, что вы режетесь, сыны одной местной святой церкви и с испокон века сроднившиеся дети одного гнезда. Граждане, это недопустимо... Помиритесь братскою любовью, убиенных похороните общими силами, перед прахом их просите прощение молитвами на коленях и этим снимите позор".[3])

Делались в то время попытки создать открытую массовую контрреволюционную организацию, так называемый союз „Славия". Инициато-

---

[1]) „Еженедельник". Гор. Верный, № 2 от 28 апреля 1918 г.

[2]) „Заря свободы". № 35 от 23 апреля 1918 г.

[3]) „Заря свободы". № 38 от 26 IV-1918 г.

ром его являлся некий священник Скальский. Наглость этого попа доходила до того, что он открыто пропагандировал цели союза со страниц советской печати. В статье, помещенной в первомайском номере газ. „Заря свободы“ он призывал: „Вступайте в члены Семиреченского отдела общества „Славия“, идите все: и бедные, и богатые, и христиане, и мусульмане, и казаки и разночинцы. Идите, независимо от того, монархисты ли вы, или анархисты“.[1])

Здесь нужно подчеркнуть, что в попытках организовать этот черносотенный союз участвовали и отдельные члены верненской большевистской организации. „Разделяя принципиальные задачи союза „Славия“,— писал Хоперский,..—я поддерживаю предложение священника Скальского Торопитесь записаться в члены, организуйте союз. Не бойтесь вашей политической физиономии. Никто не посмеет вас упрекнуть, что вы монархист, или кадет, или анархист..“ „Граждане объединяйтесь в союз „Славия“—в союз единения всех славян“ —писал тут же Маречек.

И эти призывы неслись со страниц „Зари свободы“ в те дни, когда Верный был осажден со всех сторон белоказачьими бандами, когда шли ожесточенные бои на самой территории города. Нет сомнения, что мы имеем здесь дело не просто с потерей классовой бдительности, а с фактом проникновения агентов классового врага в отдельные руководящие органы советов Семиречья. Тот факт, что вся агитация за организацию союза „Славия“ пронизывалась мотивом необходимости „объединения славян для борьбы с немецким засилием“, свидетельствует, что деятельность инициаторов и вдохновителей этого союза соответствовала видам английской контрразведки, которая как раз в то время развернула бешеную работу во многих районах Советской России в целях свержения пролетарской диктатуры, срыва Брест-Литовского мира и вовлечения трудящихся в продолжавшуюся еще тогда империалистическую войну.

На страницах „Зари свободы“ подвизался в те дни также некий „магистр“ Яблоков, статьи которого носили характер разнузданной антисемитской, шовинистической травли.

Всевозможные призывы к „классовому миру“, „единению“ и т. п., с которыми выступали буржуазные организации, прикрывали их лихорадочную работу по формированию внутри Верного кулацких вооруженных банд и подготовке контрреволюционного переворота. Кулацкие элементы города располагали к тому же изрядным количеством припрятанного оружия, которое они сумели в значительной своей части раздобыть в ночь с 2 на 3 марта вследствие того, что тогда при раздаче оружия не было достаточного контроля. Не мало винтовок попало в ту ночь в руки враждебных элементов. Серьезнейшую угрозу представляли также в дни осады белогвардейские офицерские кадры, которые в заметном количестве имелись в городе. Они являлись душой и организующей силой всякого рода белогвардейских заговоров.

В этих условиях верненская большевистская организация и областной исполнительный комитет мобилизовали массы на защиту красного Верного и разгром контрреволюционных банд, осаждавших город. Их основной вооруженной опорой являлись красногвардейские части, сформи-

---

1) „Заря свободы“. № 42 от 1-V-1918 г.

рованные из бывших солдат — фронтовиков, рабочих городских предприятий и аульной бедноты. В ряды беззаветно боровшихся красногвардейских отрядов влилась вся партийная организация. Верненские большевики цементировали красные отряды, поднимали в них боевой дух и сплачивали их вокруг задач борьбы за пролетарскую диктатуру.

Много сил и внимания отдавала партийная организация массовой агитационной работе, разъяснению среди трудящихся целей и задач советской власти и коммунистической партии. Идейно-политический уровень этой агитации был невысокий. Не обходилось без грубых ошибок. И все же в осажденном городе, насквозь опутанном провокацией и всевозможными слухами, эта разъяснительная работа приносила свои плоды и помогала поднимать массы на борьбу с лишениями, на защиту советов.

В одном из своих возваний партийная организация писала: „на большевиков натравливают нашу братию, трудовых казаков и туземцев, киргиз и т. д. На большевиков буржуазия, юнкера, кадеты и вся старая свора Николая второго точит и заносит свой меч смерти. Кто же большевики?"[1]) И дальше партийная организация пытается в этом обращении разъяснить трудящимся, за что борются большевики, какие задачи партия преследует в деревне.

Верненские большевики через голову войскового совета обратились с воззванием к трудовому казачеству, в котором говорилось: „вас пугают большевизмом, как какой-то заразой. Вас утешают, что в рядах поборников народовластия расстройство в боевых рядах. Вам говорят, что в городе повальные грабежи, вас уверяют, что ваши пленные товарищи расстреляны большевиками. Трудовой народ заверяет, что это ложь, при помощи которой эти кровопийцы отуманили ваши головы и ваш разум... призываем вас сорганизоваться и выслать к нам своих представителей для мирных переговоров от трудового казачества. Не шлите к нам гг. Зломановых, Малышевых и им подобных. У нас с ними разговор будет вестись пушками и винтовками. Народная власть и эти господа говорят на разных языках и для них разум крестьянина и рабочего непонятен. С вами же, трудовыми казаками, мы сговоримся, так как не делаем разницы между хлеборобами-крестьянами и хлеборобом-казаком... уберите прочь с дороги трудовых масс предателей и смело и с открытой душой идите к нам для ведения переговоров".[2])

В станицах и, в частности, среди казачьих отрядов, осаждавших Верный, политическая диференциация тогда еще не достигла той зрелости, которая делала бы возможным самостоятельные выступления трудовых элементов и их массовый переход на сторону советской власти. Поэтому обращение партийной организации к трудовому казачеству не оказало сколько нибудь существенного влияния на ближайший ход событий. Важно, однако, здесь отметить другое: это обращение является еще одним свидетельством того, насколько далеки от действительности утверждения т. Сафарова, что борьба за советы в Семиречьи диктовалась в то время исключительно сословной враждой с казачеством. Факты говорят о противоположном: как в дни переворота, так и позднее советы искали опоры

---

[1]) „Заря свободы". № 39 от 27/IV-18 г.
[2]) АКА, д. № 45—393 у, л. 46.

среди трудовых элементов казачества и не их вина, если они ее не всегда находили.

Во второй половине апреля были распущены все областные мусульманские организации. Был ликвидирован и областной комитет партии „Алаш“. Одновременно началась работа по организации „Совета мусульманских рабочих и солдатских депутатов“. В этих целях было созвано 3 мая собрание, на котором организовали „комитет в составе 20 человек“. „Избранными оказались Биисов, Юнусов, Абдразаков, Хисматов, Бурнаев, Умурзаков, Виритдинов, Урманов, Карибаев, Чемиров, Давлеткильдиев, Баяхунов, Султанаев, Абдусаттаров, Шамуза, Давлеткулов, Посыров, Баимбеков, Абубакиров, Меирбеков“.[1])

В целях усиления обороны города все красногвардейские части были сведены в четыре боевые единицы, из которых каждая отвечала за определенный участок фронта. Внутреннюю охрану Верного возложили на проверенные части из 2-го Семиреченского казачьего полка.

Общее командование и во время осады продолжало оставаться в руках левых эсеров. Но разлагающее их влияние отчасти парализовалось тем, что в конце апреля организовался военный совет из представителей боевых частей, которому была вверена, как об этом писалось в приказе по гарнизону, „полная военная власть“.[2])

Наряду с работой по укреплению вооруженных сил и сплочению трудящихся вокруг задач пролетарской диктатуры, имело место усиление нажима на эксплоататорские элементы города. Рядом решительных мер рыла изъята значительная часть припрятанного у кулачества оружия, была проведена реквизиция хлебных запасов.

В связи с финансовым кризисом и массовой утечкой денежных знаков из обращения, облисполком приступил к выпуску местных семиреченских советских бон. Первая партия на сумму в 20 000 000 рублей была выпущена 18 апреля 1918 года.[3])

Проведенные мероприятия укрепили обороноспособность Верного и предотвратили угрозу немедленного вторжения белоказачьих банд в пределы города. Исключительное значение имело то обстоятельство, что крепость оставалась в руках советов. Она защищала подступы к Верному и вместе с тем держала под непосредственным ударом граничащие с нею Алма-Атинские казачьи станицы, что связывало силы противника.

Вполне понятно, что долго оставаться в положении осажденного город Верный был не в состоянии. Перед советами стояла решающая задача — в возможно кратчайший срок добиться снятия осады, перейти от обороны к наступлению, разгромить белоказачьи банды и завершить советизацию области. Вооруженных сил, коими располагал тогда осажденный город, было недостаточно для выполнения этой задачи. Требовалась реальная помощь Ташкента и революционных сил области. Облисполком и

---

1) Каз. арх.; д. Совнаркома Сем. обл. № 14.

2) „Заря свободы“. № 35 от 23/IV-1918 г.

3) „ „ № 39 от 27/IV-1918 г. Тов. Сафаров в не раз уже нами цитированной работе пытается и факт выпуска советских бон изобразить, как проявление якобы кулацкой природы семиреченских советов. Достаточно представить себе обстановку осажденного города и условия в области, оторванной от руководящих пролетарских центров, чтобы понять всю беспочвенность попытки тов. Сафарова.

верненская большевистская организация, учитывая сложившуюся обстановку, предпринимали конкретные меры, чтобы эту помощь получить. Они обратились за поддержкой в Ташкент, сумели держать связь с местными советами и снабжать в известной мере оружием формируемые ими красногвардейские отряды. Но дело организации помощи Верному как со стороны Ташкента, так и в самой области требовало, конечно, определенного времени. Чтобы выиграть это время облисполком решил вступить в переговоры с войсковым советом об условиях прекращения военных действий и „заключения мира".

Как показывает ход переговоров, далеко не все среди тогдашнего руководящего советского актива рассматривали эти переговоры как маневр, как возможность выиграть время до прихода помощи извне. В таком именно духе понимала задачи переговоров революционная часть актива, ясно видевшая, что белое казачество своих позиций без боя не сдаст. Другая колеблющаяся часть актива, подпавшая под влияние обывательских настроений и выражавшая эти настроения, готова была любой ценой добиться „заключения мира",— даже ценой капитуляции перед классовым врагом. Первая попытка начать переговоры была сделана облисполкомом 18 апреля. В качестве условия заключения мира выдвигалось требование „безусловного признания и подчинения советской власти" и „немедленной сдачи всего оружия".[1]) Эта попытка ни к каким реальным результатам не привела. Войсковой совет оставил без ответа предложения начать переговоры, ибо в те дни он, видимо, рассчитывал на быстрый захват Верного. Свое согласие встретиться с представителями облисполкома, войсковой совет дал только через несколько дней, когда стал очевидным затяжной характер осады. Для него тогда возникла необходимость подтянуть к Верному контрреволюционные резервы из области с целью добиться для себя решающего перелома. В этих условиях переговоры о мире, как средство выиграть необходимое время для накопления своих сил, находил выгодным также и войсковой совет.

Первая встреча представителей, делегированных сторонами для ведения переговоров, состоялась 23 апреля. Белоказаки потребовали роспуска Красной гвардии, замены существующих советов советами, избранными на „демократических" началах, возвращения реквизированного скота и освобождения политических заключенных.[2])

Нет нужды доказывать, что принятие этих условий означало капитуляцию перед классовым врагом.

24 апреля состоялось объединенное заседание руководящих советских органов с участием представителей красногвардейских отрядов. Передавая настроение боевых частей, представители фронта высказались категорически против выставленных войсковым советом условий мира и требовали принятия самых решительных мер к ликвидации мятежа и полному обезоружению белоказаков.

Сохранившийся протокол этого заседания показывает, что известная часть руководящих работников в противоположность представителям боевых частей выступила с пораженческими речами. „Некоторыми орато-

---

[1]) „Заря свободы". № 35 от 23/IV-1918 г.

[2]) Каз. архив; ф. Семиреченск. облисполкома за 1918 г.

рами,— читаем мы в протоколе, — подчеркивается критическое положение в недостатке хлеба и в желательности заключить мир, что хлеба хватит не более чем на 2—3 дня, что потом неминуемо наступит голод и что голод может вызвать бедствия".

Делегаты от красногвардейцев разбивали эти капитулянтские мотивы указанием на то, „что если казаками не будет сдано оружие, они не дадут и хлеба, несмотря на то, что среди казачества имеются громаднейшие запасы такового", что именно при заключении мира на предлагаемых войсковым советом условиях город будет оставлен без хлеба. [1])

Расширенное заседание областных советских организаций большинством голосов [2]) отклонило условия мятежников. Вместо них советы предъявили свои требования белому казачеству: „полное разоружение всех, причем оружие должно быть сдано в артиллерийский склад. Остается Красная гвардия, в которую вливаются казаки в количестве одной трети. Приняты будут только те, которые имеют удостоверения о политической благонадежности от демократических организаций".[3]) „Немедленно должен быть доставлен казаками хлеб, имеющийся у них свыше установленной нормы. В совет солдатских и рабочих депутатов казакам предоставляется 10 мест. На областной съезд на 25 мая казаки делегируют по одному человеку от каждой 1000 душ обоего пола".[4])

В тот же день состоялась встреча делегации советов с представителями белоказаков. Переговоры закончились подписанием советскими делегатами явно капитулянтских условий мира, целиком и полностью противоречивших полученным директивам от областных организаций. Этому в немалой степени способствовала и та обстановка, в которой велись переговоры. На том месте, где встретились делегации, собралась разношерстная публика, обывательская масса города. Сюда прибыли также делегаты и от сохранившегося еще городского самоуправления. Все эти элементы непрошенно вмешались в ход переговоров, давили на советских делегатов, а у последних не хватило решимости и мужества отбить эту контрреволюционную атаку.

Антисоветские и обывательские элементы города торжествовали, 25 апреля отслужен был в связи с подписанием мирного договора „торжественный всенародный молебен".[5])

26 апреля явились на заседание Семиреченского областного исполнительного комитета представители белоказаков и буржуазных мусульманских организаций с требованием немедленной замены всех комиссаров.

Исход борьбы решался, однако, не подписанным „мирным договором", а реальным соотношением классовых сил, готовностью трудящихся защищать советскую власть.

Выступления большевиков на заседании облисполкома 26 апреля и в частности выступление представителя крайкома тов. Луценко по-

---

[1]) Каз. архив; ф. Семиреченск. облисполкома за 1918 г.

[2]) 28 человек голосовало против принятия условий войскового совета, 5 за и 5 воздержалось.

[3]) Каз. архив; ф. Семиреченск. облисполкома за 1918 г., д. № 3 штаба войск Семир. обл. с протоколами.

[4]) Каз. архив; ф. Семиреченск. облисполкома за 1918 г., д. № 3 штаба войск Семир. обл.

[5]) „Заря свободы". № 39 от 27-IV 1918 г.

казывают, что партийная организация была готова дать серьезный отпор всяким поползновениям реализовать на деле мирный договор.

Скоро выяснилось, что казаки во время переговоров производили перегруппировку своих войск. Они прервали телеграфную связь между Верным и Ташкентом,[1]) и сделали попытку взорвать Чуйский и Курдайский мосты, дабы задержать продвижение красных отрядов, спешивших на помощь осажденному городу. Войсковой совет подтянул свои резервы и охватил город еще более тесным кольцом белоказачьих банд, пытаясь взять его измором. Так выглядел „заключенный мир" в жизни.

Дней через 6 после переговоров „казаки,— пишет Трофимов,— вновь напали на выехавших пахать мещан и еще плотнее окружили город... О мире никто уже не заикался".[2])

Со стороны белого казачества, алашордынцев и других националистических организаций делались попытки расширить социальную базу мятежа и вовлечь в контрреволюционное движение трудящихся аулов и новосельческих деревень. Все эти попытки обычно встречали самый решительный отпор. Вот, например, как реагировал созванный белогвардейцами с целью организации борьбы против советской власти сход крестьян селения Михайловского совместно с представителями окружающих селение Михайловское поселков: Маловодного, Евгеньевского, Купластовского, Восточного, Анатольевского, Зайцневского, Александровского, Верхне-и Нижне-Тюргенских казакских волостей, а также Карамской и Талыбаевской уйгурских волостей. Сход единогласно постановил: „все селения крестьянские, киргизские, таранчинские подчиняемся советской власти и поддерживаем ту программу, которую проводит центральная советская власть Российской Республики".[3]) Нужно иметь в виду, что сход проходил в зоне действия белоказачьих банд и белогвардейского террора. Аналогичные факты имели место и в других пунктах, охваченных белоказачьим мятежем. Белоказаки Лобовинской станицы, совместно с алашордынцем неким Мусаханом Алпыспаевым, пытались насильно мобилизовать казакских трудящихся Чемолганской волости. Согласно признанию самого Мусахана Алпыспаева, из мобилизованных „никого не оказалось, все убежали".[4]) Комиссар селения Илийска Толмачев докладывал впоследствии (6-VI-18 г.) облисполкому, что „все разночинцы Илийска без различия национальностей и религии единогласно решили не принимать участия в контрреволюционных выступлениях казаков, несмотря на то, что казаки усиленно убеждали разночинцев и мусульман примкнуть к ним и даже в случае отказа угрожали расстрелом и поголовным истреблением".[5])

Трудящиеся массы всех национальностей области не ограничились одним только пассивным сопротивлением белогвардейщине. Они приступили в ближайших к Верному районах к формированию красных партизанских отрядов, они оказывали, когда это представлялось возможным, помощь осажденному городу хлебом. В ряде случаев удавалось перепра-

---

[1]) „Заря свободы". № 41 от 26-IV 1918 г.
[2]) „Коммунист. мысль". № 3 за 27 г., стр. 278.
[3]) „Заря свободы". № 39 от 27-IV 1918 г.
[4]) „Заря свободы". № 71 от 6-VI 1918 г.
[5]) Каз. архив; ф. Семиреченск. облисполкома за 1918 г.

вить из города оружие для партизанских отрядов. Один из участников Талгарского похода крестьянин села Александровки тов. Самосенко в своих воспоминаниях рассказывает: „ночью после разгрома революционной роты я пробрался в село Александровку. Стал рассказывать товарищам о поражении под Талгаром и об осаде города. Решили организоваться и выступить на помощь Верному. Встал вопрос, как достать оружие. Ночью на следующие сутки пробрались тайком через фронт и сообщили о нашем решении крепостному гарнизону... Скоро начались переговоры о мире. Воспользовавшись этими переговорами, мы привезли из города в Александровку необходимое количество винтовок и патронов... Только успели раздать по рукам, приезжают делегаты от белых, стали предлагать нам сдать оружие, но мы им категорически отказали и казаки уехали ни с чем“.[1])

Чрезвычайно показательным является факт, который приводит в своих воспоминаниях об этом периоде гражданской войны в Семиречьи тов. Виноградов. „В это тяжелое ответственное время для революции, пишет он, — некто Федирко Митрофан Петрович — крестьянин села Чидня (Подгорное), Кастекского района, б. Верненского уезда, кликнул клич бедноте, крестьянам и казакам (киргизам). Поднимайтесь на защиту власти советов“. Скоро к нему сбежалась со всего района, из деревень и аулов беднота. Федирко организовал отряд и ударил с запада на станицу Каскеленскую, белогвардейцы вынуждены были снять часть своих войск с осады города и перебросить против отряда тов. Федирко М. П. Этим самым был ослаблен белоказачий фронт и мы смогли оттеснить от города белобандитов, забрать с мельниц и заимок хлеб и накормить Красную гвардию и бедноту города“.[2])

Успешно развертывалась также и начатая по инициативе тов. Розыбакиева работа по формированию отрядов Красной гвардии из коренных трудящихся Джаркентского уезда. 7 мая 1918 года Семиреченский облисполком, заслушав „доклад командированных бывшим Военно-революционным комитетом делегатов Розыбакиева и Сунгута Юнусова, об их деятельности по командировании в гор. Джаркент по формированию Красной армии“, выразил им благодарность за их работу.[3]) К осени 1918 г. действовал в Джаркенте национальный красногвардейский отряд в 500—600 бойцов.

Основное ядро в сформированных партизанских отрядах составляли демобилизованные фронтовики и возвратившиеся в аулы, так называемые, „реквизированные рабочие“ (в 1916 г.) из трудящихся коренных национальностей. Они выделяли из своей среды организаторов и руководителей партизанских отрядов, помогали местным советам и партийным организациям подавлять кулацко-байские заговоры и разъяснять трудящимся большевистские лозунги, задачи пролетарской диктатуры.

Не подлежит сомнению, что красный Верный не был бы в состоянии выдержать столь длительную осаду, если бы не имел на своей стороне сочувствия и поддержки широких масс села и аула. Расположенные в

---

[1]) Истпарт Казкрайкома ВКП(б). Из воспоминаний т. Самосенко.

[2]) Истпарт Казкрайкома. Из воспоминаний т. Виноградова.

[3]) „Заря свободы“. № 58 от 23 мая 1918 г.

тылу казачьих станиц казакские аулы, новосельческие и уйгурские поселки своим революционным давлением и поддержкой советской власти делали позицию белоказаков крайне неустойчивой и дали возможность сражающимся в Верном красногвардейским отрядам отразить натиск значительно превосходивших их по численности и вооружению белогвардейских банд.

26 апреля выступил из Ташкента в помощь Верному красногвардейский отряд, численностью в 60 человек, возглавляемый Мураевым. Основная задача отряда заключалась в том, чтобы помочь местным семиреченским советам и партийным организациям сформировать свои вооруженные силы и объединить эти силы для концентрированного удара с тыла по белоказачьим бандам, осаждавшим Верный. Этот отряд имел при себе крупный транспорт оружия и, встречая на своем пути активную помощь со стороны трудящихся масс села и аула области, быстро обрастал бойцами и превратился в относительно мощную военную единицу. Уже в Пишпекском уезде отряд насчитывал в своих рядах более 600 бойцов. Информационное бюро верненского уездного исполкома передавало впоследствии, что Сергиевский волостной исполнительный комитет (Верненского уезда) организовал для борьбы с белоказаками на каскеленском фронте значительный отряд, который действовал совместно с наступавшим из Ташкента отрядом Мураева и снабжал последний продовольствием, перевозочными средствами и т. д. [1])

Еще до прихода в Пишпекский уезд отряда Мураева выступили в помощь Верному два крепко сколоченных и хорошо вооруженных отрядов из Пишпека и Токмака.

Первым приблизился к позициям осаждавших город белоказаков токмакский красногвардейский отряд. 26 апреля получено было в городе известие, что между Каскеленом и Чемолганом идет бой между подоспевшим на помощь Верному токмакским красногвардейским отрядом и белоказаками. В начале мая токмакский отряд успешными действиями сильно потеснил белогвардейские банды, „намеревавшиеся овладеть селением Казанско-Богородском, где находилось в изобилии всякого рода продовольствия и провиант". [2]) К середине мая подоспел к Чемолгану и пишпекский отряд. Приближение помощи из Ташкента и области подняло настроение в рядах защитников осажденного города. Облисполком прекратил всякие переговоры с белоказаками. „Объединенным заседанием облисполкома, полкового и гарнизонного комитетов было решено, — как передает в своих воспоминаниях т. Мельников Ф., — снять часть войск с восточного фронта (из-под Алма-Атинских станиц) и двинуть их на западный фронт на станицы Тостак, Любовинскую и Каскелен с тем, чтобы усилить нажим на этот участок фронта и одновременным ударом на эти станицы с запада и востока заставить оперировавших здесь белых сложить оружие и облегчить, таким образом, вступление в город Мураевского и других красногвардейских отрядов, снятие осады Верного и ликвидацию белоказачьего мятежа".

Воспользовавшись частичным ослаблением восточного фронта, войсковой совет сосредоточил в районе Мало-Алма-Атинской станицы значитель-

---

[1]) Каз. архив; ф. Семиреченск. облисполкома за 1918 г.

[2]) „Наша газета". № 114 от 8-VI 1918 г.

ный военный кулак и повел яростное наступление на крепость. Против крепости выставлены были отборные белоказачьи и офицерские части, алашские полки и белые уйгурские отряды. Белогвардейское командование, не останавливаясь ни перед какими жертвами, пыталось несколько раз взять крепость штурмом. Все предпринятые им атаки отличались особой яростью и упорством. Однако крепость устояла. Тем временем двинутый из города отряд „легко опрокинул казаков, занимавших станицу Тастак, и продвинулся до станицы Любовинской, где соединился с отрядом Мураева. Казаки Любовинской станицы были разбиты и бежали к станице Илийской". 20 мая объединенный отряд из Ташкента, Пишпека и Токмака вступил в город. Сопротивление белоказаков было сломлено. Поражение под Каскеленом внесло панику в их ряды. Они стали в беспорядке отступать частью в северные станицы области, частью в Китай. 21 мая красные войска заняли цитадель белогвардейских сил — Мало-Алма-Атинскую станицу, где захватили больше тысячи пленных и значительное количество военного снаряжения.

Состоявшееся 25 мая областное совещание советов санкционировало разрыв мирных переговоров с белоказачеством и избрало областной исполнительный комитет, функции которого раньше выполнял Верненский уездный исполком.

Результаты гражданской войны первых трех месяцев после установления советской власти в области ярко иллюстрируют то положение, которое Ленин высказал в июне 1918 г., почти в те же самые дни, когда белоказачьи и алашские банды были разгромлены под Верным. Ленин тогда констатировал, что широкие трудящиеся массы — „поголовно во всех концах России в гигантском большинстве стоят за советскую власть", что всякая попытка контрреволюционных сил „*даже в местностях самых патриархальных, со слоем земледельцев самых зажиточных, наиболее сословно замкнутых, как казаки, везде без исключения приводила только к тому, что новые слои угнетенных трудящихся оказались против них не на словах, а на деле.*" [1]) Действительно, Семиречье тогда не составляло исключения в советской стране. И здесь попытка контрреволюционных сил свергнуть советскую власть закончилась их полным разгромом, закончилась тем, что новые силы трудящихся аула и села оказались вовлеченными в борьбу за пролетарскую диктатуру против их вековых угнетателей.

Разгром белоказачьего мятежа открывал собою новый этап в развитии советов Семиречья, новый этап по пути окончательной ликвидации великодержавнических привилегий в области.

В казачьих станицах подверглись реквизиции имевшиеся там значительные запасы хлеба, причем облисполкомом было решено „состоятельным лицам и тем, которые эксплоатировали чужой труд и ранее обогащались за чужой счет", „вознаграждения не выдавать", а платить лишь за хлеб, реквизированный у трудовых казаков, „которые не участвовали в мятежном восстании и их непричастность в контрреволюционных

---

[1]) Ленин. Соч., т. XXIII, изд. III, стр. 52 (Курсив наш. *Б.* и *Ш.*).

выступлениях документально засвидетельствована местными совдепами и следственной комиссией".

В целях предупреждения возможного повторения белоказачьего мятежа, решено было выселить всех казаков — участников контрреволюционного восстания — из ближайших к Верному станиц. [1])

В воззвании, разъясняющем это решение, предупреждалось, что „с остальными станицами области в случае сопротивления советской власти будет поступлено так же".

3 июня 1918 года облисполком вынес постановление о том, что „сословие казаков, должности войскового наказного атамана, войсковое правление и прочие казачьи учреждения и должностные лица сим аннулируются в области навсегда. Все имущество, инвентарь и денежные суммы, имеющиеся на текущем счете в депозитах, перечислить в полное распоряжение на текущий счет Семиреченского областного исполнительного комитета".[2])

Вместе с тем было решено „поместить семьи бездомных бедных граждан временно в домах, усадьбах, оставленных семьями мятежников и до сих пор не возвратившихся". [3])

6 июня облисполком лишил верхушку казаков права голоса на станичных сходах. Было принято особое постановление относительно так называемых пенсионных казачьих земель, которые находились в руках казачьей верхушки. „Все пенсионные казачьи земли, — читаем мы в этом постановлении, — как таковые в данный момент, а также перепроданные или переданные каким бы то ни было путем другим лицам, социализируются и переходят в пользование трудового народа. Все таковые земли от частных владельцев нетрудовых хозяйств и эксплоататоров чужого труда, со всем сельскохозяйственным, живым и мертвым инвентарем, а также со всеми сельскохозяйственными и жилыми постройками, со всеми водами и лесами отныне отбираются навсегда, составляя достояние и собственность Российской Социалистической Федеративной Советской Республики". [4])

Еще до разрешения вопроса о пенсионных землях было постановлено на состоявшемся 25 мая областном совещании советов, что „все участки земли станиц Малой, Большой, Софийской, Тастака и урочища Аксу до земель сел. Каскелена и с другой стороны сел. Мураева—социализируются в пользу города". Как явствует из протокола совещания, под этой мерой понималось присоединение названных казачьих станиц Верненского уезда к городу и проведение на их территории земельного передела с тем, чтобы обеспечить городскую бедноту землей. Полностью это принятое решение тогда не было реализовано, но частично городская беднота обеспечивалась землей за счет казачьих станиц, причем в отдельных случаях, как подтверждает в своих воспоминаниях тов. Кислов, земельные наделы получили и казахские трудящиеся.

При применении в казачьих станицах перечисленных выше мер репрессивного порядка облисполком предупреждал попытки использовать

---

[1]) ЦАОР; ф. 393 $^{11}/_{1}$,—д. 85 за 1918 г.

[2]) Каз. архив; ф. Семиреченск. облисполкома за 1918 г.

[3]) Каз. архив; ф. Семиреченск. облисполкома за 1918 г.

[4]) „Вестн. семиреч. труд. народа" от 5-VII 1918 г.

эти меры против революционных элементов, против семей бойцов 2-го Семиреченского полка и других, примкнувших к советской власти казачьих частей. Так, в одном из постановлений облисполкома специально оговаривалось, что „выселению не подлежат (из казачьих станиц — *Б.* и *Ш.*) граждане бывшие казаки 2-го полка и Петроградской гвардии и семьи известных борцов за свободу, не замеченные в контрреволюционном движении".

В последних числах мая 1918 года облисполком телеграфировал в Москву на имя Ленина: „в Верном Семиреченской области организовался из представителей уездов и городов высший законодательный и контролирующий орган Областной исполнительный комитет в числе 21 чел. Большевиков 19, левых эсеров два. Областным комиссарам предоставлена исполнительная власть. Мятеж казаков, буржуев, контрреволюционеров подавляется по всей области беспощадно. Для твердости советской власти просим немедленно выслать 200—500 кронштадтских матросов. Просим немедленного распоряжения о высылке нам денежных знаков сорок миллионов. У нас обеспечение есть: опий, шерсть, скот и кожа. Семиречье богатый край, постройка железной дороги Арысь — Семипалатинск необходима быстро как в политическом, так и в экономическом смысле. Товарищи, работайте на славу свободной Российской Федеративной Социалистической Республики, а мы вас поддержим и готовы положить за вас свои головы". [1])

В заключительной части нашей работы даем беглый обзор событий последующего периода гражданской войны в Семиречьи.

После разгрома контрреволюционного мятежа была развернута борьба за очищение области от сохранившихся в ней осколков белоказачьей диктатуры. К середине июня 1918 года были целиком освобождены от белых Джаркентский и Пржевальский уезды. К концу июня были освобождены от осколков белогвардейщины также Копальский и Лепсинский уезды.

Продвижение красных отрядов в северной части области совпало во времени с началом контрреволюционного чехословацкого мятежа (конец мая 18 г.). Началось наступление белых банд на Семиречье со стороны Семипалатинска. Раньше других под непосредственной угрозой оказался Сергиопольский район и сам поселок Сергиополь. Расположенный на перекрестке столбового тракта между Верным и Семипалатинском и на тракте в Китай, по направлению Бахты и Чугучак, Сергиополь привлек к себе внимание местной и сибирской контрреволюции.

25-го июня белые заняли Сергиополь. Вслед за этим восстали против советской власти казачьи станицы — Урджарская, Саркандская, Лепсинская, Копальская.

К тому времени значительно усилилась активность белых и в Джаркентском уезде со стороны Хоргоса и Кольджата.

В области развернула свою подрывную работу подпольная контрреволюционная, т. н. „Туркестанская организация",[2]) непосредственно связанная с английской контрразведкой.

---

[1]) Каз. архив; ф. Семиреченск. облисполкома за 1918 г.
[2]) „Советский Туркестан". № 54 от 17 августа 1918 г.

Значительно усугубляла и без того тяжелое положение в области самостийность, которая имела место среди части красных партизанских отрядов Семиречья.

Недостаточная бдительность, а подчас и прямо преступная неразборчивость в комплектовании красногвардейских частей давала возможность контрреволюционным элементам пробираться в отдельные отряды и использовать последние для своей контрреволюционной мародерской работы, для разжигания национальной вражды.

Шире развернула свою подрывную работу и местная организация левых эсеров. „Накануне I алма-атинского уездно-городского съезда советов, — пишет Трофимов, — открывшегося в первых числах августа 1918 года, наше (большевиков *Б.* и *Ш.*) положение было таково, что нам не советовали даже в городе выступать на общегородском сходе со списками кандидатов в делегаты на съезд, чтобы не быть побитыми озлобленной массой, сильно раскаленной эсерами и черносотенцами. Большим огнем пришлось гореть нашим ораторам, чтобы злобу массы превратить в сочувствие. Но это было достигнуто, и девять из 18 городских депутатских мест сход отдал нам, остальные эсерам. На съезде из 60-ти сельских и аульных делегатов в нашу 9-ти членскую фракцию сначала сели только 3 делегата, а в эсеровскую все остальные (в том числе и туземцы). Под конец же съезда почти все делегаты туземцы и крестьяне из переселенческих сел пересели к нам, дружно голосовали за наши резолюции и провели в угорсовдеп наше большинство“.[1])

Большевистская организация основное свое внимание сосредоточила на работе в красногвардейских отрядах.

„В начале августа 1918 года верненская организация большевиков,— пишет т. Трофимов, — чтобы отвоевать вооруженные массы у „беспринципных руководителей“, влилась в армию, перенося в казармы гарнизона свой комитет, клуб, библиотеку, оружие и всю деятельность. Этим организация добилась того, что некоторые особенно вредные демагоги были заменены, другие зануздены партийной дисциплиной. А красноармейцы стали больше верить партии и поддерживать ее в борьбе с анархией, за укрепление аппарата. В это время наши ряды значительно пополнялись честными стойкими красноармейцами“.[2])

В июле 1918 года в соответствии с директивами крайкома (Ташкент) был организован „при совдепе Мусульманский отдел по вопросам народного образования, печати и организации трудящихся“. [3]) Значительно усилили внимание большевики Семиречья к делу организации и укрепления советов сел и аулов. Собравшийся в октябре 1918 г. первый областной съезд советов своим громадным большинством примкнул к большевикам. Из 300 членов съезда 240 голосовали вместе с большевиками и 42 с левыми эсерами. К концу съезда оказались под влиянием большевистской фракции и эти 42 делегата. Все это сплотило вокруг большевистской партии значительные массы трудящихся и дало возможность местной партийной организации и советам Семиречья отстоять советскую власть, несмотря на все трудности развернувшейся здесь гражданской войны.

---

[1]) Трофимов „Коммунист. мысль“ за 1927 г. № 3, стр. 283.
[2]) Там же, стр. 287.
[3]) Каз. архив; ф. Семиреченск. облисполкома за 1918 г.

К концу 1918 года появляются на севере Семиречья белогвардейские полчища атамана Анненкова. Участились нападения на границы в районе Джаркентского и Пржевальского уездов. Приняв позиционный характер, фронт гражданской войны растянулся на сотни верст. Северный фронт разделился на две части: Абакумовский фронт — на границе Копальского уезда и Черкасский район (Лепсинский уезд), представлявший собой осажденную анненковцами крепость.

Находился под ударом и Нарынский район, расположенный на границе с Ферганой, откуда делали часто свои набеги басмаческие банды Иргаша.

7—8 декабря 1918 года вспыхнуло крупное кулацкое эсеровское восстание в Беловодске — одной из наиболее крупных старожильческих деревень Пишпекского уезда.

Подавление беловодского восстания совпало с началом осиповского восстания в Ташкенте. Фронт, борьба с белогвардейскими заговорами и восстаниями в тылу требовали от советов огромных людских и материальных средств. Занятый борьбой на Актюбинском, Асхабадском и Ферганском фронтах, Ташкент не был в состоянии оказывать Семиречью более или менее ощутительную помощь. Между тем, на одном северном Семиреченском фронте пришлось держать к концу 1918 года до 10 000 человек красноармейцев. На 80 проц. они были вооружены 4-линейными винтовками. Орудий и пулеметов имелось чрезвычайно незначительное количество.

Чтобы содержать армию советам нужно было мобилизовать все средства области.

В первые месяцы 1919 года проведена была реорганизация красных частей, введен был институт назначенных командиров вместо практиковавшейся ранее выборности командующего состава. Началось формирование красноармейских национальных частей. Особенно больших успехов национальное формирование достигло в Джаркентском уезде, где в самом городе гарнизон в 1000 человек красноармейцев насчитывал в начале 1919 года больше половины уйгуров, дунган и татар. Действовали казакские отряды и на северном Семиреченском фронте. Кроме того красноармейцы из коренных национальностей входили в общие красноармейские и красные крестьянские партизанские отряды, оперировавшие в то время в Семиречьи.

В 1919 году на Семиреченский фронт прибыл из Ташкента интернациональный мусульманский полк.

В наказе депутатам на 3-й областной съезд советов (август 1919 года) казакские трудящиеся Копальского уезда просили произвести среди них мобилизацию в Красную армию наравне с тем, как эта мобилизация проводится среди русского крестьянского населения.

В 1919 году стали учащаться случаи массового перехода алашских полков на сторону красных.

Коренной перелом в ходе гражданской войны в Семиречьи наступил к началу 1920 года, связанный с переломом в ходе гражданской войны в Туркестане и во всей стране.

Осенью 1919 года стали прибывать в Туркестан красноармейские части из центра. Тогда же прибыла в Ташкент Туркомиссия ЦК партии.

„С октября 1919 года, — пишет тов. Трофимов, — начался прилив в Джетысу группы активных коммунистов, командированных крайкомом партии“. Саликов, Белов и Казаринов составляли первый назначенный центром для Джетысу Военно-революционный совет области“.

Избранный областным съездом облисполком заменен был первым назначенным от Туркестанского центра Облвоенревкомитетом. Сменяется крайкомом партии и обком партии.

„С момента этих смен, — пишет Трофимов, — начинается упорная борьба за дисциплинирование Семиречья... Конец 1919 года — начало курса на превращение в главную опору совласти в Джетысу широких масс коренного населения, начало привлечения передовых революционных элементов этих масс на ответственные советские и партийные посты“.

При помощи подоспевших сил из центра очищены были к февралю 1920 года от белых Джаркентский и Пржевальский районы. К концу марта ликвидирован был и северный Семиреченский фронт. Теснимые со всех сторон анненковские и дутовские отряды вынуждены были либо сдаться, либо скрыться в Китае. В 1920 году были подавлены два кулацких восстания: мятеж в Верном (июнь 20 г.) и в Нарынском районе (ноябрь 20 г.).

14 марта 1920 года был Турциком издан декрет о возврате земель трудовых декхан, захваченных у них в период восстания 1916 года. Весной 1921 года была проведена в области земельная реформа, которая нанесла сокрушительный удар по кулаку-колонизатору. Наступила новая полоса советского строительства в Семиречьи.

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1

Телеграмма тов. И. Сталина от 7 апреля 1918 г.

Верненскому совдепу

Последние два месяца развития революции в России, особенно же период после заключения мира с Германией и подавления буржуазной контрреволюции внутри России, могут быть охарактеризованы, как период упрочения советской власти и начало планомерного переустройства отжившего социально-экономического строя на новый социалистический лад. Разрастающаяся по главным отраслям торговля, национализация банков, развертывающаяся день за днем, богатая по своему разнообразию деятельность Высшего совета народного хозяйства — этой организационной ячейки близкого уже социалистического общества — все это говорит о том, как глубоко внедряется советская власть в поры общественной жизни. Власть в центре уже стала действительно народной, выросшей из недр трудовых масс. В этом сила и могущество советской власти. Это чувствуют, очевидно, даже те буржуазные интеллигенты, бывшие враги советской власти — техники и инженеры, служащие и вообще люди специальных знаний, которые вчера еще саботировали власть, а сегодня готовы к услугам. Но на окраинах, населенных отсталым в культурном отношении элементом, советская власть еще не успела стать в такой же степени народной.

Революция, начатая в центре, распространилась на окраины, особенно на восточные, с некоторым опозданием. Бытовые и языковые условия этих окраин, отличающихся к тому же экономической отсталостью, несколько осложнили дело упрочения там советской власти. Для того, чтобы власть там стала народной, необходимы специальные способы вовлечения трудящихся и эксплоатируемых масс этих окраин в процесс революционного развития, необходимо поднять массы до советской власти, а их лучших представителей слить с последней. Но это невозможно без автономии этих окраин, т. е. без организации местной школы, местного суда, местной администрации, местных органов власти, местных общественно-политических и просветительных учреждений с гарантией полноты прав местного, родного для трудовых масс края, языка во всех сферах общественно-политической работы. В этих видах и провозгласил третий съезд советов федеративный строй Российской Советской Республики.

Автономно-буржуазные группы, возникшие в ноябре и декабре прошлого года на окраинах поволжских татар, башкир, киргиз Туркестанского края — постепенно разоблачаются ходом революции. Для того, чтобы окончательно оторвать от них их же собственные массы и сплотить последние вокруг советов, необходимо взять у них автономию, предварительно очистив ее от буржуазной скверны и превратив ее из буржуазной в советскую. Буржуазно-националистические группы требуют автономию для того, чтобы превратить ее в орудие за-

кабаления своих собственных масс. Именно поэтому, признавая центральную советскую власть, они вместе с тем не хотят признать местных советов, требуя невмешательства в их внутренние дела. Некоторые советы на местах решили ввиду этого отвергнуть совершенно всякую автономию, предпочитая разрешение национального вопроса путем оружия. Но этот путь совершенно не пригоден для советской власти. Он, этот путь, способен только сплотить массы вокруг буржуазно-национальных верхов, а верхи эти выставить спасителями родины, защитниками наций, что ни в коем случае не входит в расчеты советской власти. Не отрицать автономию, а признать ее — является очередной задачей советской власти. Необходимо только автономию эту построить на базисе советов на местах. Только таким путем может стать власть народной и родной для масс. Необходимо только, чтобы автономия обеспечивала власть не верхам данной нации, а ее низам. В этом вся суть. Именно поэтому провозглашает советская власть автономию татаро-башкирской территории. В этих же видах проектируется провозглашение автономии киргизской территории, Туркестанского края и т. д. Все это — на основе признания советов волостей, уездов и городов этих окраин. На местах нужно собрать материалы и вообще данные, необходимые для определения характера и формы автономии этих территорий. Необходимо создать комиссии по созыву учредительных съездов и советских организаций данных городов, могущие наметить географические границы этих автономий. Нужно созвать эти съезды. Эту необходимую подготовительную работу нужно проделать теперь же, чтобы будущий четвертый всероссийский съезд советов мог бы разобрать Конституцию Российской советской федерации. Советы и мусульманские при них комиссариаты татаро-башкирской территории уже взялись за дело. К 10—15 апреля созывается в Москве совещание представителей советов и мусульманских комиссариатов Казани, Уфы, Оренбурга и Екатеринбурга для создания комиссии по созыву учредительного съезда советов татаро-башкирской территории. В киргизском крае и Туркестане работа в этом духе только начинается. Советам этих окраин предлагается взяться немедленно за дело, привлекая к работе все советские и революционные элементы соответствующих народов. Никакого деления на национальные круги с представительством национальных меньшинств, как это предлагают некоторые буржуазные национальные группы, не должно быть допущено. Такое деление только обостряет национальную вражду, укрепляет перегородки между трудовыми массами национальностей и затрудняет путь отсталым народностям к свету и культуре. Основой выборов в учредительные съезды и фундаментом автономии должны служить не разбивка трудовых и демократических масс национальностей на отдельные отряды, а их объединение и сплочение вокруг соответствующих советских образований. Итак, собирание материалов по вопросу об автономии окраин, образование национально-социалистических комиссариатов при советах, организация комиссии по созыву учредительных съездов советов автономных областей, созыв этих съездов, сближение трудовых слоев самоопределяющихся народностей с органами советской власти в областях — такова задача советов. Народный комиссариат по делам национальностей примет все меры к тому, чтобы облегчить эту трудную и ответственную работу советов на местах.

Народный комиссар по делам национальностей **И. Сталин.**

(„Заря свободы". № 32 от 14 апреля 1918 года, г. Верный).

№ 2

О текущем моменте в России

Резолюция 2-го Семиреченского областного съезда крестьянских депутатов

Рассмотрев вопрос о текущем положении в России, съезд после подробного освещения этого вопроса, пришел к одному заключению, что в центре России, начиная с 25 октября 1917 года, вся власть перешла в руки советов солдат, крестьян, рабочих, трудового казачества, примкнувшего частью к трудовому движению. Движение это вылилось против буржуазии и черной сотни, старавшихся извлечь пользу из бедствий народа. Черная сотня во главе с буржуазией, опутав всевозможными обещаниями часть трудового казачества, пролила братскую кровь в целях извлечения лишь пользы для себя и закрепления только своих выгод. Как видно из последних телеграмм, не верить которым значит выносить недоверие всему трудовому народу центральной России, власть народа, власть советов окрепла, опираясь на мощь фронта, примкнувшего к этому движению и поддержавшего эту власть своим мощным словом. Жалкие попытки ненасытившихся помещиков и капиталистов разбились о мощь и твердый дух народа и мы, семиреченцы, отброшенные от центра, открыто подаем свой голос товарищам крестьянам, борцам за свободу, за закрепление порядка и других завоеваний революции.

(„Голос крестьянина". № 3 от 13 марта (28 февраля) 1918 г.

№ 3

Телеграмма председателя 2-го съезда крестьянских депутатов Семиреченской области на имя тов. Лациса в Петроград от 22 января н. с. 1918 г.

Власть Семиреченской области в руках казаков и ставленников Керенского, Шкапского и др. Крестьянство поддерживает власть советов. В области полный упадок в смысле экономическом. Контроля над государственным банком и др. учреждениями не имеем. Смет и сведений представлять не можем. В Петроград выезжает делегат.

Председатель областного крестьянского съезда Быков
(ЦАОР; ф. 398 от II-1, д. № 85, 1918 г.. л. 10).

№ 4

Директивы Совета народных комиссаров Туркестанского края

(Из переговоров по прямому проводу между представителями Совнаркома Туркестанского края и Военно-революционного комитета Семиреченской области)

Ташкент 5 марта 1918 г.

От имени Совета народных комиссаров передаем следующее: арестованы ли Шкапский и Иванов? Если да, то немедленно доставьте в Ташкент вместе с другими главарями.

Школу прапорщиков распустите и всех офицеров, не подчиняющихся декретам народных комиссаров, арестуйте. Убийц Березовского и Овчарова и прокурорский надзор, как не произведший следствия по делу об убийстве, арестовать, избрав советом на должности арестованных вполне надежных лиц. Всех контрреволюционеров, в особенности Рункова, задержать для суда над ними.

Создайте революционный трибунал в составе 12 человек. Распоряжение по сему вопросу и подробная инструкция будет сообщена комиссаром юстиции.

Временно изберите на должность комиссара области надежное лицо из совета и при нем создайте коллегию из пяти лиц, телеграфируйте, кто будет избран.

Из совета в банки поставьте своих комиссаров, коим вмените в обязанность отнюдь не разрешать выемку денег капиталистами.

Создайте рабоче-крестьянскую Красную армию из благонадежных лиц по добровольной записи.

Каждый красногвардеец получает по 50 руб. в месяц и семья его переходит на полное содержание казны.

Необходимые суммы для этой цели возьмите из депозитов воинского начальника, канцелярия коего должна быть упразднена, и все дела должны передаться местному совдепу, из которого выделите особую секцию.

Сообщите, нужна ли посылка экспедиции, отряда или надеетесь справиться своими силами. В каком размере была помощь казаков и туземцев. Самосудов над контрреволюционерами не допускать. Необходимо лишь их задержать и передать их суду революционного трибунала.

Не падайте духом. Если не надеетесь на свои силы, телеграфируйте немедленно в Токмак, где сформирована Красная армия. Эта дружина немедленно выступит к вам на помощь, как только вы ей сообщите, она примет меры для оказания помощи. Если вам только необходим карательный отряд, то таковой будет послан, чтобы смести всех врагов народного движения, причем убытки возложатся на капиталистов городов и туземных манапов.

...Если у вас нет денег на содержание Красной армии и др. должностных лиц, беспощадно облагайте капиталистов, вынося постановление совдепа. Хлеб достаньте из Копальского и Лепсинского уездов, крестьяне коих безусловно окажут поддержку, а пока возьмите у местных крестьян и казаков.

...От имени Совета народных комиссаров благодарим товарищей казаков 2-го полка, почтово-телеграфный совет и всех мещан и рабочих гор. Верного, принимавших участие в этом движении. Организуйтесь сильнее, на полумерах останавливаться нельзя. К конечной цели итти нужно быстро.

...Широко оповестите трудовое казачество, что оно немедленно должно поддержать трудовое движение крестьян, рабочих и 2-го полка, оказав помощь хлебом и всем необходимым, выдав кроме того немедленно Шкапского и Иванова и их приверженцев, скрывающихся за спиной опутанного трудового казака, дабы этим избежать посылки сильного карательного отряда для уничтожения очага контрреволюции...

Ташкент 6 марта 1918 года

...Потребуйте немедленно выдачи оружия и помощи хлебом, причем требование свое поддерживайте оружием, дав знать идущим против вас казакам, что артиллерия, наведенная на их станицы, сметет всех идущих против трудового населения.

Советом народных комиссаров отдан приказ в Токмак и Пишпек немедленно выступить со всеми силами к вам на помощь. В Токмаке организована дружина в 600 человек при нескольких пулеметах.

...Еще раз требуем не останавливаться на полпути: нужно быстро итти к намеченной цели, не церемониться с мешающими вам лицами.

...Если казаки не подчинятся ультимативному требованию — смотреть нечего — сила оружия у вас достаточна для того, чтобы разбить каждую станицу в отдельности и потом приступить к немедленному разрешению земельного вопроса.

Инструкторы по земельному делу выедут из Ташкента...

Ташкент 7 марта 1918 года

На половине пути останавливаться нельзя, ибо оставлять на свободе лиц, идущих против трудового движения, значит отдавать свободу в руки реакцинеров.

Просим передать крестьянскому совету, чтобы была дана телеграмма в Джаркентский совет задержать бежавших Шкапского и Иванова. Кроме того, требуем, чтобы были произведены аресты: Загоруля, Дункова, Балабанова, Джайнакова и лиц прокурорского надзора, которые не произведены.

...Мусульманство повидимому узнало, что происходило в Коканде и как был подавлен мятеж и видело, что Шкапский вел их к тому же.

...Интеллигенцию же, идущую впереди трудового движения, необходимо просить помогать, не стесняясь в назначении жалованья.

(„Наша газета". №№ 44 и 45 от 8 и 9 марта 1918 года).

№ 5

Из протокола заседания Военно-революционного комитета Семиреченской области от 7 марта (н. с.) 1918 г.

Оглашена телеграмма из Петрограда от комиссара Комиссариата по делам мусульман при Совете народных комиссаров относительно гонения на киргиз Семиреченской области в связи с восстанием их в 1916 г. с просьбой сообщить, какие меры в этом вопросе принимались и будут приниматься советом в дальнейшем для предотвращения этого конфликта: телеграфировать, что со дня перехода власти Совету народных комиссаров, организован Военно-революционный комитет, который предпримет все зависящие меры к предотвращению гонения киргиз в Семиреченской области.

Вносится предложение гр. Бокиным о назначении комиссии для ознакомления с деятельностью областного киргизского комитета „Алаш", со дня перехода власти Совету народных комиссаров, и поручить этой комиссии по ходу дел сделать руководящие указания, чтобы немедленно было оповещено трудовое туземное население Семиреченской области в самом широком смысле о том, что власть в руках трудового народа и что впредь не будет такого угнетения, которое было до сего времени, что трудовой народ без различия наций должен слиться в одно ядро и итти рука об руку, творить то благо, которое ждало трудовое население давно.

Постановлено: поручить исполнение этого заявления членам Военно-революционного комитета Завалишину, Астраханцеву и Бокину, снабдив их удостоверениями.

(„Заря свободы". № 5 от 13 марта 1918 г.).

№ 6

Из доклада председателя Особой комиссии, командированной Военно-революционным комитетом Семиреченской области в Китай для оказания помощи киргизам-беженцам

Главная масса восставших в 1916 году киргиз хлынула в Уч-Турфанский и Аксуйский оазисы, в полосу китайской территории, смежной с Пржевальским уездом.

Общее число бежавших в эти два района в 1916 г. киргиз определялось в 100 — 120 тыс. человек.

...Путь, по которому они направлялись в Китай, оказался настолько тяжелым, вследствие частых, мало доступных для перехода гор, что большая часть скота у них пала по дороге. По одному только пути через перевал Бедель, которым главным образом направлялись киргизы в Уч-Турфанский район, павшего скота насчитывается десятками тысяч, если не сказать более. Дорога через стоящий немного восточнее перевала Беделя, перевал Бекертык, по которому мне самому пришлось ехать в Пржевальск, почти от самого Уч-Турфана до северных склонов хребта Терскей Алатау, на протяжении приблизительно около 300 верст, сплошь усеяна скелетами погибшего, во время бегства киргиз, разного скота, причем часто среди скелетов скота попадаются и скелеты или части их — незарытых в землю людей. Скот, который киргизам удалось привести в китайские пределы вследствие отсутствия корма здесь и перечисленных выше лишений в пути, пал почти полностью; если что и осталось у них ко времени приезда командированной под моим председательством комиссии, так это очень

и очень незначительное количество баранов и верблюдов, как более выносливых и мало требовательных животных. Не имея ничего, с утратой своего скота, помимо жалкого домашнего скарба, киргизы, чтобы поддержать своё жалкое и безотрадное существование, стали продавать самое необходимое из своего домашнего обихода — кошмы, казаны, чайники, седла, уздечки и проч. Дороговизна на предметы первой необходимости поставила всю эту киргизскую массу в крайне тяжелое положение, даже скажу более, — перед лицом голодной смерти: среди них стали появляться на почве недоедания эпидемия сыпного тифа, цинга и проч... Девочки и мальчики свыше 7 лет продавались как русско и китайским подданным, так и самим китайцам, в том числе и должностным лицам из числа местной администрации по 30 — 40 рублей.

...По приезде в Аксу, комиссия параллельно с обследованием положения киргиз приступила и к переговорам с местным диоинем, сначала по вопросу об оказании возможной помощи киргизам путем разрешения свободной покупки для них предметов питания и одежды, а затем и к разрешению вопроса о водворении киргиз в русские пределы...

...В отношении водворения киргиз на русскую территорию с Аксуйским диоинем выработаны следующие условия:

1) киргизы возвращаются в русские пределы любыми дорогами и в любое время, однако не позднее 13 мая с. г;

2) все киргизы совершенно беспрепятственно под охраной китайских властей увозят с собой в Россию все имущество, скот и хлеб в количестве нужном для личной потребности;

3) для решения исковых дел, китайские власти согласились созвать два съезда — один в Уч-Турфане с 25 марта и другой в Аксу несколько позднее, но окончательный срок созыва этого съезда еще не назначен, оба эти съезда созываются для решения исковых дел исключительно только с теми киргизами, которые в настоящее время находятся в китайских пределах;

4) все киргизские дети — девочки и мальчики, а также и женщины, проданные китайцам и китайским подданным дунганам и киргизам, должны быть возвращены ко времени оставления киргизами китайских владений;

5) для оказания помощи беднейшим из киргиз на те средства, какие привезла с собою комиссия, разрешается беспрепятственная, свободная покупка хлеба, скота и предметов одежды.

Кроме того, комиссия на всякий случай испросила согласие китайских властей на свободную покупку для возвращающихся киргиз нужного количества хлеба и на свободный пропуск этого хлеба через пограничные караулы в пределы России...

(„Вестник семиреченского трудового народа“; г. Верный, июль 1918 года).

№ 7

Из протокола заседания Совета народных комиссаров Семиреченской области от 31 марта 1918 года

§ 3. Оглашается прошение уполномоченного Толкана Отбасунова от 83 тысяч граждан города Пишпека, чтобы их изолировать от манапов.

Постановили: поручить разобрать это дело и выработать план действий областному комиссару совместно с комиссаром по улаживанию русско-туземных отношений и доложить совету комиссаров.

§ 4. Оглашалось прошение представителя возвратившихся киргиз из Китая, Сарыбагишевской, Турткемеренской и Кунгей-Аксуйской волостей о водворении их на прежнее место жительства, в Пржевальский уезд, и дать им семян и помощь от голода.

Постановили: передать это дело комиссару по урегулированию русско-туземных отношений для принятия мер к удовлетворению просителей.

(„Заря свободы“. № 22 от 3 апреля 1918 года).

№ 8

Прошение представителей киргиз Пржевальского уезда Бакагинской, Турткемеренской и Кунгей-Аксуйской волостей на имя командующего советскими войсками Семиреченской области

Свобода, от которой воссияла вся великая Россия и населяющие ее народности, нас, несчастных каракиргиз, до сего времени нисколько не коснулась, наоборот, мы, благодаря бездеятельности комиссаров бывшего Временного правительства, Шкапского и Иванова, присланных в Семиречье для ликвидации последствий печальных событий 1916 года, не водворены на свои прежние земли и не спасены от голодной смерти.

Комиссары бывшего Временного правительства и бывшие местные власти, вместо того, чтобы уладить наше отношение с крестьянством Пржевальского уезда, водворили нас в Джаркентском и Верненском уездах, обещая переводворить нас на свои прежние земли после того, как успокоится крестьянство, которое, по мнению их, имеет на нас непримиримую злобу.

Русские крестьяне Пржевальского уезда, как мы полагаем, наверное, теперь знают, что в возникновении беспорядков 1916 года были виноваты распорядки старого режима и отчасти бесчеловечное отношение к киргизам отдельных членов крестьянства. Киргизы от беспорядков 1916 г., как известно всем, пострадали в несколько раз больше, чем русское крестьянство, отдельные члены которого по сие время в Пржевальском уезде по полученным нами сведениям беспощадно истребляют киргиз десятками, совершая разбои, грабежи и т. п.

Русские казаки Джаланашской станицы за последнее время принялись совершать разбои, грабежи жалких остатков имущества беженцев Пржевальского уезда, проживающих в Джаркентском уезде, вследствие чего, мы, беженцы, в числе 207 кибиток, принуждены были со своими голыми, босыми, голодными, полуживыми и бесприютными семействами переселиться в горы на местность Тау-Чилик, Чиликской волости, Джаркентского уезда, отстоящую от названной станицы в 70 верстах.

В данное время, мы, беженцы, дошли до того, что никто из нас не только не гарантирован от голодной смерти, а каждому из нас таковая неизбежна, так как хлебных продуктов продовольствия у нас вовсе не было, а скот, уцелевший кое у кого из нас, которым пользовались все беженцы, теперь кончился почти окончательно.

Единственная помощь, оказанная Верненской уездной убыточной комиссией в первый и последний раз после долгих наших мытарствований нисколько не помогла в спасении человеческой жизни от голода, так как таковая по расчету пришлась на душу по 7 руб., а пуд пшеницы с доставкой на место обходится не менее 75 руб.

Теперь наступила весна и время пахоты, все люди, кроме нас, страдальцев, приготовляются к пахоте, а мы, полуживые, голодные беженцы, все еще не водворены на свои прежние земли, следовательно, вспахать землю нам, страдальцам, брошенным всеми, наверное не придется вовсе потому, что вряд ли кто-нибудь побеспокоится переводворить нас на свои земли, достать для нас семена и принять меры к улаживанию нашего отношения с местными пржевальскими крестьянами, если только этот труд не возьмет на себя советская власть в лице Народных комиссаров и Революционного комитета, которые только и заботятся о нуждах трудящегося народа.

Заявляя об изложенном, от имени голодных, умирающих, несчастных киргиз беженцев Пржевальского уезда, умоляем вас, гражданин командующий войсками Семиреченской области, обратить ваше благосклонное внимание на наше ужасное положение, сделать зависящие распоряжения: 1) принять меры к оказанию нам немедленной продовольственной помощи; 2) к ограждению нас от насилий и грабежей; 3) к водворению нас на свои земли; 4) к обеспечению семенами.

Следуют подписи.

Марта 20 дня 1918 года.

Резолюция командующего советскими войсками Семиреченской области

Комиссару по урегулированию русско-туземных отношений. Со своей стороны считаю долгом дать полные полномочия по улажению отношений гражданину Бекимову, каковому прошу оказать полное содействие.

Комвойск (подпись неразборчива).

24 марта 1918 года.

Резолюция комиссара по урегулированию русско-туземных отношений.

Предлагаю отправиться Бекимову к месту служения, чтобы сформировать на местах советскую власть и принять меры к улаживанию взаимоотношений и к устройству киргиз беженцев и открыть питательные пункты.

Комиссар (подпись неразборчива).

26 марта 1918 года № 17.

(Каз. архив; ф. Семиреченского облисполкома, д. № 397, стр. 156-57).

№ 9

Из протокола заседаний Пишпекского уездного съезда рабочих, крестьянских и мусульманских депутатов [1])

Доклад председателя Исполнительного комитета Швец-Базарного

Докладчик рассказал о тяжелых днях организации Совета в январе с. г. Он указал на полную разруху и анархию, царившие в то время в уезде. Убийства происходили ежедневно. Шайка убийц, руководимая Бобровым, терроризовала население. Тысячи безработных были без куска хлеба. Солдатки уже 5 месяцев не получали пайков. Хлеба не было, голодные киргизы умирали десятками с голоду. Денег не было и не было никакой надежды их откуда-либо получить. И в эти тяжелые дни небольшая группа работников Совета рабочих депутатов, при помощи происходившего 15 января продовольственного крестьянского съезда, организовала первый учредительный съезд, который ввел советскую власть. Первым делом организовавшегося совета было попечение о безработных. Были созданы общественные работы и в частности было приступлено к вырубке карагачевой небольшой площади рощи, дабы дать возможность голодным заработать честный кусок хлеба. Для спасения голодавших и умиравщих киргиз были организованы питательные пункты и по всем аулам и селениям был отдан приказ о недопущении смерти киргиз от голода. В виду явного противодействия городской думы интересам голодных и безработных, она была закрыта и вместо нее организована городская коллегия из представителей трудового народа... Посевные ссуды выдавались всем малоимущим, но, к сожалению, благодаря небрежности отдельных исполнителей часть ссуд были выданы людям, злоупотребившим народными деньгами.

Доклад председателя Совнаркома Иваницына

Докладчик указал, что голод прошлой зимы произошел по вине чиновников, далеких от жизни и не болевших горем народа. Теперь дело продовольствия в руках трудовых масс, которые, идя всегда навстречу жизни, сумеют вывести

---

[1]) Съезд происходил в сентябре 1918 г. Мы печатаем сокращенно ту часть протоколов, которая непосредственно относится к первой половине 1918 года.

народ из продовольственных затруднений. Председатель выразил глубокую благодарность дунганам, доставившим народу рис, чем город и был спасен от ужасов голодной смерти. Отрицательное отношение к большевизму оратор объяснил пропагандой правых групп и неправильным толкованием идей большевизма в печати. Но возвращение из центра солдат, поддержка союза рабочих и ремесленников—дали возможность организовать в Пишпеке совет. Докладчик указал на невероятные затруднения в работе Исполнительного комитета и комиссаров в виду противодействия буржуазии и бесконечных военных затруднений. Борьба была тяжела, но теперь она расплылась и представляет отдельные вспышки. Теперь подошла пора строительства. Конечно, власть еще мало опытная, делала ошибки и нуждается в критике, но критике дружной, а не в шипении за углом. Оратор заканчивает уверенностью, что пролетариат не отступит от принципов социального равенства и диктатуры пролетариата...

Доклад комиссара юстиции Безбородова

Докладчик указывал, что в момент вступления в должность комиссара юстиции всюду царило зло, хаос, грабежи, убийства, самосуд, кражи, спекуляция, мародерство и проч. Особенно от всего этого страдало киргизское население, даже за старые вины русские нападали на киргиз и отбирали у них скот... Только личными выездами на места преступлений удавалось прекращать самоуправство. Между прочим у кегитинцев было отобрано самовольно захваченных ими 3000 баранов, которые были возвращены владельцам. В беловодском участке у беззащитных киргиз русскими было незаконно отобрано около 10 000 руб. деньгами и 600 гол. скота, которые были возвращены пострадавшим...

(Каз. архив; дело совдепа Пишпекского уезда за 1918 г.).

№ 10

Воззвание Военно-революционного комитета Семиреченской области об организации социалистической армии

Постоянная армия служила материальным орудием классового могущества буржуазии и строилась на принципе насильственного порабощения людей, скованных одной мертвой дисциплиной палки.

Правительство Народных Комиссаров ставит на место постоянной прежней армии всеобщее вооружение народа, защищающего те формы социального и политического строя общества, которые единственно обеспечивают полноту власти советов — полновластие народа.

Факт господства буржуазии в государствах Западной Европы и еще не ликвидированной войны накладывает, однако, на советскую власть обязанность быть готовым в любой момент вооруженной рукой не только отстаивать принципы возвещенного революцией демократического мира, но в случае необходимости вмешаться и активно содействовать возможному в ближайшем будущем в Западной Европе восстанию пролетарских масс под лозунгом социалистической революции.

Исходя из этих соображений, Военная коллегия по организации социалистической Красной армии находит необходимым немедленно приступить к организации полков социалистической армии на следующих основаниях:

1) Социалистическая армия формируется путем добровольного вступления в ее ряды граждан по рекомендации революционно-социалистических партий и рабочих, солдатских и крестьянских организаций...

Запись добровольцев производится в Верненской мещанской управе.

(Истпарт Казкрайкома ВКП(б). Материалы по истории Октября в Семиречьи).

№ 11

Наказ депутатам Верненского совета

Наша революция должна принести народу полное освобождение, наемному рабству должен быть положен конец.

Господство хозяев нашей жизни: фабрикантов, заводчиков, помещиков, банкиров, домовладельцев — должно быть уничтожено.

Революция должна возвратить нам то, что веками у нас награблено, чего нас лишали до сих пор.

Земля, дома, рудники, места для рыбной ловли, фабрики, заводы, денежный капитал, все орудия производства как в городе, так и в деревне, все должно быть отобрано у них, незаконных владельцев, крупных частных собственников и взято в руки нашими народными избранниками.

Это решение о переходе всех богатств в объединенные руки трудящихся должно лечь в основу наказа депутатам.

В совете этот наказ депутаты должны отстаивать со всей энергией. Депутат, не защищающий в совете этот наказ, не исполняет воли пославших его, он должен быть немедленно отозван.

Каждый депутат после трех месяцев должен переизбираться.

(„Заря свободы". № 34 от 17 апреля 1918 г.).

№ 12

О принудительном обложении капиталистов

(Из декрета Совета народных комиссаров Семиреченской области)

Декрет № 1

...Совет народных комиссаров... ультимативно предлагает нижепоименованным лицам внести в недельный срок со дня вручения настоящего постановления в один из банков гор. Верного денежными знаками согласно списка. За неисполнение настоящего приказа нижепоименованные лица подлежат военно-революционному народному суду в лице Военно-революционного трибунала...

(„Заря свободы". № 9 от 19-III 1918 г.).

№ 13

Декрет № 2 Совета народных комиссаров Семиреченской области

Всем торговцам гор. Верного предлагается в трехдневный срок выставить всю имеющуюся у них мануфактуру и другие предметы первой необходимости на полки, а также о товарах, имеющихся в складах, сообщить областному продовольственному комиссару. Не исполнившие будут привлекаться к строгому наказанию революционным судом, а товар и имущество будет конфисковано безвозмездно в пользу трудового народа.

(„Заря свободы". № 9 от 19-III- 1918 г.).

№ 14

Обращение к трудовому казачеству

Товарищи, трудовые казаки!

Известно ли вам, что демократия предлагала казачеству вступить в мирные переговоры. По нашим проверенным сведениям вам это не известно, так как это не в интересах той кучки людей, которая, судорожно цепляясь за власть и тос-

куя по ней, становится на пути к миру между трудовыми массами и предпочитает долгую и затяжную войну, выгодную только богачам и тем, кто, одев отжившее в виде серебряных погон, закрывает от ваших глаз правду. Если вам, товарищи, трудовые казаки, дороже спокойная трудовая жизнь трудящегося человека, чем защита кучки саботажников, тоскующей по власти, то вы прислушивайтесь к голосу народной власти. Вас пугают большевизмом как какой-то заразой, вас утешают, что в рядах поборников народовластия расстройство в боевых рядах. Вам говорят, что в городе повальные грабежи, вас уверяют, что ваши пленные товарищи расстреляны большевиками.

Трудовой народ заверяет, что это ложь, при помощи которой эти кровопийцы отуманили ваши головы и ваш разум. Мы вас во всем этом сразу разубедим: мы отпускаем в ваш лагерь четырех ваших товарищей, и пусть эти пленные сами расскажут—правду ли говорят вам те люди, которые ведут вас к братоубийственной войне. Народная власть и народная армия открыто вам объявляют, что с вами, обманутые товарищи, трудовые казаки, мы войны не вели и не ведем. Нам с вами воевать не из-за чего и делить нечего, но скажите всем остальным, что народ вел, ведет и будет вести беспощадную войну с теми, кто ее хочет.

Вся Россия вам доказала, что народ, взяв власть в свои руки, обратно ее не отдаст. Вас зовут разделить бремя народной власти на пути мирного строительства жизни. Но от вас это скрывают. Народная власть объявила на 25 мая Областной съезд представителей мусульманства, крестьянства, казачества и рабочих. От вас и это скрывают. Неужели же вам, товарищи выгоднее итти воевать с народной властью, чем заняться своим мирным трудом. Мы не верим, что это так и потому, не желая пролития братской крови, призываем вас сорганизоваться и выслать к нам своих представителей для мирных переговоров от трудового казачества. Не шлите к нам гг. Змановых, Малышевых [1]) и им подобных. У нас с ними разговор будет вестись пушками и винтовками. Народная власть и эти господа говорят на разных языках и для них разум крестьянина и рабочего непонятен. С вами же, трудовыми казаками, мы сговоримся, так как не делаем разницы между хлеборобом-крестьянином и хлеборобом—казаком. Не теряйте же вы золотое время рабочей страды, вспомните, что как у вас, так и у нас—поля и огороды, а придет осень и с нею царь—голод, тогда не будет пощады ни казаку, ни крестьянину, ни рабочему. Уберите прочь с дороги трудовых масс — предателей и смело с открытой душой идите к нам для ведения переговоров.

19 апреля к вам, трудовые казаки, мы посылали с предложением мирных переговоров вашего атамана Большой станицы Батурина, но его Малышев, Зломанов со своими пособниками арестовали и утром 20 апреля тайно от вас отправили обратно к нам в лагерь.

Совет Народных Комиссаров Семиреченской области.
Совет солдатских, рабочих, крестьянских и казачьих депутатов.
Гарнизонный комитет.

Гор. Верный апреля 20 дня 1918 года.

(Архив Красн. армии; д. № 45 — 393-у д. 46).

№ 15

Из протокола общего собрания Совета мусульманских рабочих и солдатских депутатов от 3 мая 1918 года

Общее собрание мусульманских рабочих и солдатских депутатов, обсудив вопрос о необходимости реорганизации мусульманских комитетов, после ряда высказанных многочисленными ораторами речей, принимая во внимание создавшееся политическое положение, диктатуру трудового класса, объявленную советской властью, постановило образовать в городе Верном Совет мусульманских рабочих и солдатских депутатов, согласно инструкции, выработанной по созданию профессиональных союзов, и приступить к немедленной организации му-

---

[1]) Фамилии казачьих атаманов. *Б.* и *Ш.*

сульманского населения области в профессиональные союзы, которые должны влиться в существующие союзы для совместной работы, так как существовавшие доныне мусульманские комитеты были созданы на национальных началах, но не на партийных или классовых началах, и для выполнения этой задачи избрать организационный комитет в составе 20 человек.

В организационный комитет путем тайной подачи голосов выбранными оказались: Биисов, Юнусов, Абдразаков, Хисматов, Бурнаев, Умурзаков, Виридинов, Урманов, Карибаев, Чемиров, Давлеткильдиев, Баяхунов, Султанаев, Абдулсаттаров, Шамуза, Давлеткулов, Насыров, Баибеков, Абубакиров, Меирбеков.

(Каз. архив; ф. Семиреченск. облисполкома за 1918 г.).

№ 16

Декрет №1 Семиреченского областного исполнительного комитета

Согласно постановления Семиреченского областного исполнительного комитета от 3 июня, протокол № 9 заседания своего от того же числа, обсуждая вопрос о создавшемся положении в области, вызванном со стороны бывшего казачества, пленарное заседание постановило: сословие казаков, должности войскового наказного атамана, войсковое правление и прочие казачьи учреждения и должностные лица сим аннулируются в области навсегда. Все имущество, инвентарь и денежные суммы, имеющиеся на текущих счетах и депозитах, перечислить в полное распоряжение на текущий счет Семиреченского областного исполнительного комитета.

(Каз. архив; ф. Семиреченск. облисполкома за 1918 г.).

№ 17

О пенсионных землях казачества

(Из протокола заседания Семиреченского областного исполнительного комитета за №12 от 6 июня 1918 года)

Постановили: все пенсионные казачьи земли, как таковые, в данный момент а также перепроданные или переданные каким бы-то ни было путем другим лицам, социализируются и переходят в пользование всего трудового народа.

Все таковые земли от частных владельцев, нетрудовых хозяйств и эксплоататоров чужого труда, со всем сельскохозяйственным живым и мертвым инвентарем, а также со всеми сельскохозяйственными и жилыми постройками, со всеми запасами сельскохозяйственных продуктов и материалов; со всеми водами и лесами — отныне отбираются навсегда, составляя достояние и собственность Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Исполнение по собиранию необходимых сведений, по выполнению необходимых подготовительных действий, фактического изъятия пенсионных земель из владения пенсионеров, построек, инвентаря, сельскохозяйственных продуктов и материалов, распределение земельного фонда и сельскохозяйственного инвентаря в уравнительно-трудовое пользование и немедленного проведения в жизнь настоящего декрета возлагается на все местные уездные совдепы, впредь до создания на местах земельно-водных комитетов и фактического начала функционирования таковых.

(Казархив; ф. Семиреченск. облисполкома за 1918 г.).

СОДЕРЖАНИЕ

Замеченные опечатки

Стр.	Снизу	Сверху	Напечатано	Следует
4	12	—	придавленная революционная активность	придавленность революционной активности
27	6	—	„мелкобуржуазных шлаков"	мелкобуржуазных шлаков"
51	—	1	3 марта 1918 года было	31 марта 1918 года было вторично
56	—	23	Ивонова	Ионова

1 руб. 50 коп.